

Таня Гроттер и трон Древнира

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и трон Древнира

Дмитрий Александрович Емец

Таня Гроттер #4

Давненько в Тибидохсе не было таких неприятностей! Похищены основные источники магии: предметы, принадлежавшие когда-то Древниру. Правда, существует еще трон древнего мага, энергии которого хватит на тысячелетия. Но беда в том, что никто не знает, где он находится. День ото дня запасы магии в Тибидохсе иссякают, и все ученики отправлены в мир лопухоидов. Таня Гроттер и Баб-Ягун оказываются в семействе Дурневых... Но ничего в магическом мире не может быть важнее драконбола. Все с нетерпением ждут матча команды невидимок со сборной Тибидохса. Интригу накаляет то, что легендарный Гурий Пуппер наконец влюблен. Сотнями летят купидончики с цветами и письмами! Интересно, кому Пуппер их посылает? Без охмуряющей магии тут явно не обошлось... Но Таня совсем не этого хотела!!!

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и трон Древнира

© Емец Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Новый председатель В.А.М.П.И.Р.

В пасмурный майский вечерок, когда с одной стороны в стекло барабанили дождевые капли, а с другой – недавно проснувшиеся мухи, славное семейство Дурневых сидело в гостиной.

Герман Никитич держал на коленях ноутбук и, скривив от усердия рот, шлифовал приветственную речь к VII Всероссийской конференции пенсионеров-огородников.

– Ты не представляешь, Нинель, как это ответственно! В нашей стране голосуют только пенсионеры и огородники! Если они меня поддержат, я воплощу свою давнюю мечту и смогу баллотироваться в президенты! Важно только, чтобы выборы проходили зимой, иначе эти ненавистники колорадских жуков смоются на свои огороды! – уже в третий раз объяснял он своей супруге.

Мадам Дурнева согласно мычала. Она могла только мычать, потому что пожирала копченую индейку с ломтиками ананаса. Кто-то сказал ей, что, если есть индейку вместе с ананасом, можно сбросить вес. Нинель подошла к делу ответственно. Она заготовила полную морозильную камеру индеек и забила холодильник ананасами. Правда, пока она продолжала толстеть, но утешала себя мыслью, что любое натуральное лекарство действует не сразу.

Пипа тоже не бездельничала. Поджав под себя ноги, она сидела на диване и глубокомысленно созерцала в лупу тройку в дневнике, прикидывая, как ловчее исправить ее на пятерку. Тройка была очень перспективная – с маленьким верхним крючком. Пипа уже было покусилась на тройку лезвием, когда рядом вдруг возник ее папочка, утомившийся задурять мозги пенсионерам-огородникам.

– А ну дай сюда! – решительно потребовал самый добрый депутат.

Пипа тревожно покосилась на папочку и собрала глазки в кучку, готовясь при необходимости заголосить. Но у самого доброго депутата были иные планы. Он конфисковал у дочки лезвие, умело подобрал подходящую по оттенку ручку, и спустя минуту в дневнике засияла исключительно правдоподобная пятерка.

– Вот так, дочь! Учись, пока я жив! – назидательно сказал он, целуя Пипу в макушку.

Проявив дозированную нежность, Дурнев повернулся и вновь поплелся к своим огородникам.

– Стой! Руки вверх! – приказала Пипа, целясь папочке в спину указательным пальцем.

Самый добрый депутат остановился и послушно задрал к потолку свои морковного цвета ладони.

– Мы договаривались: за каждую пятерку я получаю полтинник! И нечего сачковать! – потребовала Пипа.

Умиленный отец полез в карман и, вытащив бумажник, принялся в нем рыться. Не дождавшись, пока он отыщет полтинник, Пипа выдернула у папули из пальцев бумажник и нагло завладела сразу несколькими сотенными купюрами.

– Зачем так много? – удивился самый добрый депутат.

– Как зачем? А кассету купить? Недавно вышел новый фильм о Гэ-Пэ! Он в нем такая симпатяшка! Глаза добрые-добрые, и ни одного прыщика!..

Герман Никитич зевнул. Слушать про Гэ-Пэ ему было неинтересно, тем более что за последние два года дочь уже прожужжала ему этим Гэ-Пэ все уши. Коридор был обклеен плакатами с Гэ-Пэ, на блюдах в кухне тоже был Гэ-Пэ. Более того, его умное тонконосое лицо в круглых очках смотрело даже с полотенца в ванной, которым Пипа вытирала руки.

– Умница, доча! Никогда не упускай своей выгоды! Но хватит про Гэ-Пэ, а то я взвою!

Забрав порядком облегченный бумажник, самый добрый депутат привлек к себе Пипу и прицелился для нового поцелуя в макушку любимого чада, но в этот момент звонок в коридоре пробудился от сна и произвел нечто среднее между похоронным маршем и «Танцем маленьких лебедей».

От неожиданности Герман Никитич промахнулся и больно стукнулся о Пипину голову носом.

– Нинеличка, солнце мое, не посмотришь, какой болван звонит нам в дверь? Что за мода припираться без приглашения? – поморщился он.

– Сейчас, кисик! Твоя рыбка только скушает махонький кусочек ананасика! А то индюшачьей грудке так одиноко у нее в желудочке! – отозвалась супруга.

– Не верь ей, пап! Она съела днем десять йогуртов и рыбное филе! Да еще моя коробка с шоколадными конфетами куда-то пропала... – наябедничала на любимую мамочку Пипа. Она всегда была больше папиной дочкой.

Дурнева щелкнула пультом телевизора. На его двадцатый канал выводилось изображение с недавно установленной на площадке камеры. В настоящий момент камера послушно снимала крупную серую плитку и железную дверь генерала Котлеткина.

– Я никого не вижу! Никого нет, Герман! – удивленно сказала супруга.

– Как никого? А кто тогда звонил? – нахмурился самый добрый депутат.

Он метнулся к телефону и набрал номер консьержки. Консьержка заверила его, что к ним никто не поднимался.

Дурневы переглянулись. Оба одновременно подумали об одном и том же. Или, точнее, об одной и той же. Семейная идиллия была нарушена.

– Неужели снова Гроттерша?! Я только начала приходить в себя! Ведь прошло всего два года, как она в последний раз у нас была! – простонала мадам Дурнева.

– Ха! Танька – еще полбеда! Главное, чтобы нам не подкинули новую сиротку! Мам, посмотри, там нет какого-нибудь футляра или хотя бы помойного ведра? – фыркнула Пипа.

– Оставайтесь здесь! Я сам! – решительно приказал Герман Никитич.

Он на цыпочках прокрался к двери и, не доверяя видеокамере, выглянул в глазок. Затем Дурнев осторожно повернул замок, снял цепочку и резко рванул дверь на себя. Он смутно надеялся застичь кого-то врасплох, но застигать было некого. Площадка была действительно пуста.

Пожав плечами, Дурнев уже хотел закрыть дверь, как вдруг заметил на коврике длинный конверт. В правом верхнем углу конверта был аккуратно выведен их московский адрес. Марка отсутствовала. Это означало, что конверт никак не мог быть доставлен обычным способом, через почту.

– Германчик, что там такое? – испуганно крикнула супруга, подбегая к мужу.

– Да вот, – ответил самый добрый депутат.

– Какой странный конверт! Не из Америки? Надеюсь, там внутри не сибирская язва? – забеспокоилась Дурнева.

– Ерунда! Я уже болел в детстве сибирской язвой. Кажется, вскоре после свинки. Или после менингита? Ну, не важно. В любом случае это было до того, как меня укусила бешеная собака, – отмахнулся дядя Герман и отважно вскрыл конверт.

Внутри оказался плотный лист бумаги. По центру крупными золотистыми буквами было выведено:

Господин Герман Дурнев!

С удовлетворением сообщаем Вам об окончании тяжбы, длившейся с 1632 года. Причиной прекращения тяжбы послужила окончательная физическая и астральная смерть второго претендента на наследство – имп. Лигулы К. А.

Согласно решению Верховной коллегии Трансильвании, Вы признаетесь единственным наследником Вашего пращура. Кроме того, в соответствии с пунктом 13.13/666 нашего Кодекса Вы автоматически назначаетесь пожизненным почетным председателем В.А.М.П.И.Р.

Приняв во внимание все факты, главная совещательная коллегия В.А.М.П.И.Р. единодушно посчитала, что высокое родство и природные свойства характера компенсируют отсутствие у Вас магических способностей.

В случае Вашего согласия унаследованные Вами регалии будут присланы Вам на дом в ближайшее время.

Преданный Вам

Малюта Скуратофф,

Верховный судья.

Трансильвания, Долина Малокровия,

12 мая 20... года

Герман Никитич прочитал письмо трижды. Даже – по привычке видеть во всем двойное дно – посмотрел его на свет. Однако это ничего не выявило. Разве только то, что бумага была гербовой. В качестве же гербового элемента был использован мрачный замок на скале.

Дурнев пожал плечами:

– Ничего не понимаю. Верховная коллегия! – сказал он.

– Постой, Германчик! Не отказывайся! Вдруг нам еще одну мигалку дадут? А то что за дела: езжу в супермаркет без мигалки! Мне уже стыдно показываться на глаза Айседоре Котлеткиной! У этой лимитчицы, вообрази, кроме мигалки, настоящая БМП в качестве машины сопровождения! – рассердилась супруга.

Депутат с беспокойством покосился на дверь соседа и нырнул в свою квартиру.

– Тшш! Ты что, спятила?! Сколько раз тебе говорить, чтоб ты с Айседоркой не ругалась! Котлеткину не сегодня-завтра еще звезду дадут! Ты соображаешь, кем он тогда будет! И потом, он мне полезен! Он вчера обещал купить у меня двести вагонов старых женских чулок! – зашипел он на жену.

– Чулки в армию? Зачем? – удивилась она.

Дядя Герман таинственно поднес палец к губам:

– Тшш! Государственная тайна. Я даже и не вникаю. Может, на ракеты натягивать будут для конспирации. А может, маскировочные сетки сплетут. Тут и переделывать ничего не надо: чулки-то все равно дырявые.

Мадам выдернула письмо из пальцев мужа, внимательно изучила его и сказала:

– Германчик, мы же с тобой не знаем, что такое «В.А.М.П.И.Р.». Вдруг это что-то хорошее? Ну, например... ээ... Всемирная ассоциация медовых пряников и рогаликов.

– Чушь! Не хочу руководить пряниками! – с презрением воскликнул он.

Его супруга вновь скользнула взглядом по строчкам и страдальчески наморщила лоб в мыслительном усилии.

– Германчик, зайныка, послушай!.. – начала она.

Ее супруг сперва пожелтел, а затем побагровел.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?! – прохрипел он.

Спохватившись, Дурнева зажала себе рот рукой. На все названия зверьков с длинными задними лапами у них в семье было наложено табу. Всякий раз, собираясь включить телевизор, супруга внимательно изучала программу, чтобы быть абсолютно уверенной, что там не окажется ничего ушастого.

– Ой, Германчик, прости! Не знаю, что на меня нашло! – пискнула она. – Я хотела сказать, вдруг В.А.М.П.И.Р. – это Всемирная ассоциация межнациональной прессы и радиовещания?

Герман Никитич перестал менять цвета. Вместо этого он приятно порозовел и слегка подпрыгнул от возбуждения.

– Точно! Ты права, золотце! Как я сам не догадался! В.А.М.П.И.Р. – Всемирная ассоциация межнациональной прессы и радиовещания! – воодушевился он. На глаза у самого доброго депутата навернулись слезы. – Я знал! Я предчувствовал, я надеялся! Моя общественная деятельность и незапятнанная репутация известны всем! Свободная демократическая пресса выбрала меня своим главой!.. Согласись, Нинеличка, это исключительно мудрый и дальновидный выбор! – умиленно всхлипнул он, обрушиваясь на диван.

– Да, дорогой! – кивнула она.

Такса Полтора Километра вылезла из-под дивана и залаяла, со старческой злобой плюя дяде Герману на тапки. Она терпеть не могла, когда над ней сотрясают крышу. Разошедшийся депутат прицельным пинком зафутболил таксу обратно.

– А ну цыц, ты, пиарщица беспринципная! Знай свое место!.. Да я за свободу слова кого угодно заткну! Пусть эти ослы в Думе еще раз попробуют отключить мой микрофон! Я их... Я им... Короче, я пока не знаю, что я сделаю, но они пожалеют! – бушевал Дурнев.

Он вскочил, выпрямился во весь свой немалый рост и воскликнул:

– Эй, вы там, я согласен быть почетным председателем В.А.М.П.И.Р. и получить все регалии! Нинель, посмотри, есть ли на конверте адрес или телефон? Я им отвечу!

– Германчик, я не знаю, где конверт! Он только что был здесь, а как только ты крикнул, что согласен, он куда-то улетел! – испуганно сообщила ему супруга.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» оцепенел:

– КАК УЛЕТЕЛ?! ВРАНЬЕ! Его небось утащила эта мерзкая собака! Эй, ты, вылезай! Нинель, дай швабру!

Внезапно письмо из Долины Малокровия сорвалось с дивана и, трепеща краями, попыталось улепетнуть в форточку вслед за конвертом.

– Не-е-е-ет! А ну остановись! Лови его, Пипа!

Издав нечеловеческий вопль одураченного карьериста, самый добрый депутат бросился вдогонку. Пытаясь схватить письмо, он размахивал руками, как в засекреченной шаолиньской школе ветряных мельниц. В той самой школе, куда дядя Герман на заре своего предпринимательства удачно продал семьдесят уцененных пепельниц «Мечта пожарного» под видом курительниц фимиама из царской коллекции бронзы. Дурневу почти удалось схватить письмо, но лист вспыхнул у него в руках. Коричневая огненная точка, возникшая сначала в центре, мгновение спустя превратилась в синеватое пламя, охватившее все письмо.

Дурнев замер посреди комнаты, с позеленевшим лицом разглядывая крупные хлопья пепла на ковре.

– Все пропало! Мы не запомнили адреса! – убито сказал он.

Тетя Нинель с ужасом уставилась на мужа. На ее верхней губе выступили крупные капли пота.

– Котик, только ты, пожалуйста, не пугайся... – сказала она.

– Что еще такое?

– Твои зу... зубы...

Дурнев уже и сам ощутил, что с его зубами что-то не в порядке. Зажав рот ладонью, он метнулся к зеркалу. Здесь он нерешительно убрал руку. Четыре тонких острых клыка – два сверху и два снизу – сходились почти впритык.

– Нинель! Кажется, я теперь знаю, что такое В.А.М.П.И.Р.! – хрипло проговорил дядя Герман.

Глава 2

Спящий красавец

Ванька Валялкин уцепился за зубец и, свесившись вниз, потянул к себе незакрепленный конец полотна. На полотне вспыхнули алые буквы:

ТИБИДОХС ПРИВЕТСТВУЕТ УЧАСТНИКОВ ПЕРВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГОНОК
НА ИЗБУШКАХ!

Озорной порыв ветра рванул перетяжку, и Ванька, не успевший ее закрепить, едва не слетел со стены. Таня и Баб-Ягун чудом успели поймать его дрыгающие ноги.

– Уф! Что за свинство использовать третьекурсников – почти уже четверокурсников – для всякой ерунды! Перетяжки могли повесить и дрессированные гарпии! – заворчал Ванька.

– Угу, могли! Только изодрали бы их когтями. А как бы от них потом воняло! Не продохнешь! – заявил Ягун.

– Враки! Не воняло бы! Среди гарпий попадаются вполне приличные. Спроси у Тараха! – заспорил Валялкин.

– Не придирайся, маечник! Подумаешь, всего девяносто перетяжек. Зато за это мы сможем сесть в первом ряду. Даже ближе чем преподаватели. Я договорился! – успокоил его Баб-Ягун.

– В прошлый раз на великаньих бегах ты тоже договаривался! В результате нас засунули в самый неудобный сектор, да еще рядом с Поклепом! – напомнил Ванька.

– Мамочка моя бабуся! Да откуда же я знал, что Поклеп туда сядет? Не мог же я ему запретить расположиться прямо у нас перед носом, да еще болтать все время со своей русалкой! На этот раз все будет иначе! – заверил Ягун.

Таня с сомнением покосилась на него.

– Ладно, чего спорить, – сказала она примирительно. – Четыре перетяжки мы уже повесили. Одну упустили. Осталось всего-то восемьдесят пять!

* * *

С того памятного дня, когда был матч с невидимками, прошло уже больше полутора лет. И эти полтора года никак нельзя было назвать бесцветными или малосодержательными.

В жизни – будь то жизнь лопухоида или мага – редко что происходит постепенно. Гораздо чаще судьба, подкравшись, ударяет нас по затылку хлопнушкой внезапности. То ты скромный служащий, уныло коротающий день на офисном стульчике перед надоевшим до чертиков монитором, – то вдруг такая закрутит тебя круговерт, что и директор банка будет долго трясти твою руку, не замечая пролившегося ему на колени кофе.

Или иначе: семьдесят лет крепи?тся лопухоид, бегают по утрам, полощет горло содой – чтобы однажды проснуться седым, со стреляющими коленками, отвисшей челюстью и, посмотрев в зеркало, печально сказать:

– Доброе утро! Эй, родственники, дайте мне, что ли, пистолет и полстакана зеленки!

Но бывают и приятные преобразования. Школьник, стоявший на физкультуре едва ли не последним по росту, явится вдруг в сентябре рослым детиной с ломающимся баском, и главный его обидчик, прежде задиравший его на каждой перемене, будто случайно встанет поближе к учителю.

За месяцы, что мы не видели Таню, она сильно изменилась. Выросла, похорошела и уже с тревогой поглядывала по утрам на Черные Шторы – не отразят ли они Ваньку Валялкина, кормящего свежей утятинной Финиста Ясного Сокола, или Баб-Ягуна на пылесосе и с черной фрачной бабочкой на шее? Даже над Гробыней больше не смеялась, когда с тех же Штор, подтягивая шортики, ехидно подмигивал то Жора Жикин, то Гурий Пуппер.

Часто Таня возвращалась в памяти к тому мгновению, когда атаковала с обездвиживающим мячом страшную пасть Кенг-Кинга, а Гурий Пуппер мчался ей наперерез. Кадр за кадром она проигрывала тот момент матча. Жаль, все так и завершилось ничем. В самый ответственный момент на заколдованном зубоврачебном кресле примчался председатель коллегии арбитров Графин Калиостров. Он прервал матч и устроил грандиозный скандал.

– Почему вы начали игру без меня?! Как вы посмели?! Нарушены все постановления спортивного комитета Магщества Продрыглых Магций! – дрожа от ярости, заявил он.

– Друг мой! Мы и так отложили игру почти на полчаса. Если бы мы не выпустили сигнальные искры, зрители разнесли бы стадион. Жаль, что вы опоздали, – сказал Сарданапал.

– КТО ОПОЗДАЛ?! Я?! Да я был здесь на час раньше!!! Кто-то так настроил заклинание перехода, что я десять раз проносился мимо Тибидохса и падал в болото! – завопил Графин Калиостров, брызжа ядовитой слюной. Те ее капли, что попадали на судейскую трибуну, превращались в живых тараканов.

Брезгливая Зубодериха отодвинулась и поднесла к носу надушенный платочек. Теперь уже все заметили, что выглядит Графин Калиостров, мягко скажем, неважно. Он был весь в тине, а в его ухе шевелилась самая обыкновенная – совсем не золотая – пиявка.

Тарарах отчего-то смутился, незаметно отошел в сторону и принялся ковырять в ноздре толстым пальцем.

– Ой-ой! Какой несчастий! Неисфестно никого фыкинуль с фами скферный шютка! Я фесь в польный хорор! – запричитал профессор Клопп и принялся

подобострастно стряхивать с Калиострова водоросли.

– Хватит! Я аннулирую результаты матча! Вот мои полномочия! – Оттолкнув Клоппа, Калиостров полез во внутренний карман. Из кармана выпрыгнула лягушка. Судя по величине глаз, она явно страдала базедовой болезнью.

– И это все, что подтверждает ваши полномочия? В таком случае у нас таких полномочий полное болото, – сквозь зубы процедила Медузия.

– Шутить изволите, милочка? Я прекращу этот балаган! Этот подстроенный матч! – крикнул Калиостров. Он порылся в кармане и, выхватив изрядно подмокший пергамент, взмахнул им.

– Но позвольте, если вы отмените матч и аннулируете его результаты, то что же станет с чемпионатом? По законам вашего... виноват, нашего Магщества прерванный матч может быть возобновлен не раньше чем через два года, – сказал Сарданапал.

– Вот и чудненько! Я никуда не спешу! А пока новая игра не назначена, невидимки, как и прежде, будут считаться чемпионами мира! – мстительно прошипел Калиостров и вполголоса произнес: – Актус кляузник макакис прерывонум забиякис!

Пергамент с полномочиями превратился в огромную летучую мышь. Мышь поднялась над полем, раздулась и лопнула в ослепительной фиолетовой вспышке. Трибуны гневно загудели. Джинны-драконюхи, подчиняясь приказу, окружили драконов и стали теснить их к песчаной арене, намереваясь загнать в ангары.

– Вот так! Вы знаете это заклинание, Сарданапал. И знаете правила! В ближайшие два года матчу между невидимками и сборной Тибидохса не бывать ни при каких условиях. Тут даже Древнир ничего не сумел бы сделать, – ухмыльнулся Графин.

Сарданапал схватился за сердце. Его борода рванулась вперед и сделала попытку захлестнуть Калиострова за шею. Академик едва успел придержать ее рукой.

Скамейка упала с глухим кегельным стуком. Тарарах поднялся. Его громадная нижняя челюсть подрагивала. В глазах стояли слезы.

– Этот прыщ прервал матч... Прервал, когда его хваленые невидимки почти уже продули! Что теперь у ребят на душе творится? – сказал он хрипло.

Графин Калиостров тревожно покосился на питекантропа и попятился. Тарарах надвигался медленно, но неотвратно. Скамейки падали одна за другой.

– Я предупреждаю – я буду защищаться! У меня синяя ленточка по боевой магии! – завопил Калиостров.

– У меня кулак с твою голову! – ласково сказал Тарарах. – Лучше стой на месте, слизняк, хуже будет!

– Академик! Вы что, не намерены вмешаться? Уберите от меня вашего мордоворота! У него глаза убийцы! – заскулил Графин.

Сарданапал отвернулся.

– А что, собственно, происходит? У меня развязался шнурок. Я ничего не вижу, – сказал он, печально разглядывая свои ботинки. Шнурки на них не только развязались, но и таинственным образом сплелись, что представляло немалую угрозу для жизни и требовало внимания академика.

Тарарах наконец настиг Калиострова. Он стряхнул с плеча председателя коллегии арбитров малозаметную соринку и почти нежно, оторвав его от земли, подтянул к себе за лацканы пиджака.

– Это не сойдет вам с ру-у-у-ук! – убито произнес Калиостров и, поджав колени, обреченно зажмурился.

Дракон невидимок Кенг-Кинг, которого не успели еще увести с поля, был немало удивлен. Он никогда не видел летающих председателей с мусорной урной на голове. Это яркое зрелище запало впечатлительному ящеру так глубоко в душу, что он долго еще не выплевывал проглоченных игроков и лишь томно вздыхал...

Но матч уже был отложен, и с этим ничего нельзя было поделать.

* * *

Избушки, которые должны были участвовать в гонках, стали прибывать на другой день с утра, когда у третьего курса только-только начинались занятия. Хорошо еще, что первым уроком стояла ветеринарная магия, а Тарарах сам был не дурак поглазеть.

Питекантроп минут пять мялся, искоса поглядывая в окно, от которого уже не отрывалась большая часть его учеников, а потом заявил:

– Угхм, внимание! Предлагаю изменить тему урока! Пишите! Избушки на Курьих Ножках. Гм... Магоанатомические особенности и всякое такое в этом духе. Готово?.. Тогда я не понимаю, чего вы расселись? Ноги в руки – и марш во двор!.. Что, намеков не понимаете?

Третий курс вскочил и с торжествующим ревом, опрокидывая парты, ломанулся к дверям. На месте остался один только Шурасик.

– А как же семиглавая гидра? Разве вы не будете додиктовывать про симптомы медвежьей болезни у водных? – протестующе пискнул он.

Питекантроп остановился. Вопрос застиг его врасплох.

– Иииизээ... Отлично, Шурасик! Я как раз думал, кому поручить посторожить гидру! Следи, как бы она не вылезла из переносной ванны! – сказал он, закрывая дверь.

Шурасик остался в классе один. Плеснула вода. Из ванны высунулась третья из семи голов гидры. Маленькие колкие глазки изучающе остановились на несчастном стороже.

– Кыш!.. Брысь! Марш! Фу, тебе говорят! – нерешительно крикнул Шурасик.

Он взял швабру и принялся запихивать гидру назад в ванну. Третья голова исчезла, но почти сразу появились еще четыре. Хрустнуло дерево. Швабра переломилась и исчезла в пасти одной из голов. Шурасик даже не успел заметить, какой именно.

Выронив оставшийся обломок, он схватился за живот.

– У-у-у, нет! Я не согласен! Медвежьей болезнью страдают только медведи и гидры! – протестующе крикнул он.

Во двор они высыпали как раз вовремя. Первая избушка уже маршировала по подъемному мосту. Сторожевой циклоп Пельменник отдавал ей честь, приложив к оттопыренному уху здоровенную пятерню.

Избушка двигалась быстрым маршевым шагом, далеко выбрасывая пупырчатые куриные ноги. Из ее окошка выглядывала замшелая карга с единственным зубом во рту и кустистыми бровями. Соломенная крыша избушки, похожая на копну пшеничных волос, подпрыгивала. Из трубы вырвались искры.

Поклеп Поклепыч поморщился и попытался отправить джинна Абдуллу за справочником противопожарных инструкций.

– Сам иди, ничтожнейший! Не грузи белоснежного осла моего терпения гранитными глыбами своей мнительности! – загрохотал сварливый джинн.

Он сердился на завуча за то, что тот не позволил ему торжественно прочитать перед гостями «Поэму тысячи проклятий». Услышав, что терпением джинну служит белоснежный осел, Поклеп так озадачился, что спасовал и незаметно отошел в сторонку.

Вслед за первой избушкой по подъемному мосту уже грохотали ее товарки. Пельменник так и застыл, выпятив грудь, вытаращив глаз, с рукой, точно прилипшей к уху. Самоварное блаженство не исчезло с его лица даже тогда, когда одна из избушек, потесненная соседкой, неосторожно столкнула его в ров.

– Не пойму, откуда у природный грек такой фельдфебельский рвений! Россия всех брить под один расческа! – неодобрительно пробормотал профессор Клопп.

Всего в предполагаемых гонках должны были участвовать семь русских избушек, две украинские хаты, три северных чума на оленьих копытах и гвоздь программы – многоэтажка на бройлерных окорочках. Последняя была так огромна, что для нее особым заклинанием пришлось расширять ворота. Когда же наконец с невероятными усилиями она протиснулась во внутренний двор Тибидохса, снаружи стало казаться, что у школы трудновоспитуемых волшебников появилась дополнительная башня.

– Может, уговорим ее остаться? – спросил академик Сарданапал.

– Ни в коем случае! Я о ней слышала! У нее такой характер, что она всех тут запинает. Именно поэтому она всю жизнь проводит на заграничных гастролях... Эй, Тарарах! Отведи детей в сторону! Не подходите близко! – забеспокоилась Медузия.

Ученики неохотно отодвинулись. Взбудораженные долгим переходом, избушки еще некоторое время потоптались во дворе, прежде чем согласились встать на заранее размеченные площадки. Расстояние между площадками было выбрано с расчетом, чтобы одна избушка не могла лягнуть другую. Здесь они и стояли, изредка поскрипывая и переминаясь с ноги на ногу.

Между избушками ходила Ягге и радушно здоровалась с их хозяйками. По всему было видно, что с большинством из них Ягге знакома уже лет семьсот, не меньше...

– У бабуси тоже когда-то была такая избушка. Угнал кто-то, – сообщил Ваньке Баб-Ягун. – Пошла бабуса за маслятами – возвращается, и тю-тю! Бывают же такие гады!

– И что, так и не нашли? – спросил Кузя Тузиков, всовывая между приятелями свою всклокоченную голову.

– Ставни перекрасил, дверь перевесил – поди найди! И вообще топай отсюда, веник реактивный! Нечего лыбиться! – нахмурился Ягун.

Ему ужасно захотелось насрать на неискренне сочувствующего Тузикова чесотку или куриный сглаз, но приходилось сдерживаться. Поблизости крутился Поклеп, а Ягун только недавно был вновь переведен на белое отделение. Сарданапал

сделал это, уступив просьбам Ягге, и то, как он выразился, «до первой шалости».

– Ягге, старушка! Как ты? Скрипишь помаленьку? – вдруг визгливо крикнул кто-то у них за спиной.

– Солонина Андреевна! Сто лет, сто зим!

Ягге – не очень охотно, как показалось Тане, – обнялась и поцеловалась с тощенькой рыжей ведьмой средних лет. Рыженькая была почти красавица, но ее слегка портил гигантский, размером с блюдце, розовый лишай на щеке. Избушка у Солонины Андреевны была поджарая, голенастая. У нее у единственной крыша была покрыта зеленой черепицей, а на окнах вместо занавесочек и гераней красовались жалюзи.

Отходя, Ягге несколько раз оглянулась на Солонину Андреевну, которая так и расплывалась от притворной радости.

А во двор уже спускались Сарданапал с Медузией, до этого любовавшиеся куроногой идиллией с балкончика.

– Здравствуйте, хозяйушки! Здравствуйте, бабы-ёженьки! – ласково приветствовал всех академик.

– И ты здоров будь, хозяин! Ишь бороду какую запустил! Прямо царь Горох! – недружно отвечали старушки.

Сарданапал расплылся в улыбке:

– О, я вижу, все тут! Лукерья-в-голове-перья! Глашка-простоквашка! Матрена Большая! Матрена Меньшая! Аза Нафталиновна, мое почтение!

Бабы-ёжки стали наперебой задаривать Сарданапала и Медузию связками грибов и бочонками с солеными огурцами и квашеной капустой. Северные бабы-ёжки подносили красную рыбу и копченые на костре олени ребрышки.

Солонина Андреевна презентовала монографию собственного сочинения, озаглавленную «Роль сплетни в информационном поле планеты».

Культурологический аспект». Хохлушки подарили сало и бутылъ горилки, которую Медузия немедленно убрала подальше от глаз академика. Бабы-ёжки понимающе заулыбались.

Вдохновленный успехами конкурента, профессор Клопп сгоряча сунулся было за подарками, но ему ничего не дали, кроме дохлой вороны и шипящего черного кота. Нравные бабы-ёжки не жаловали черных магов.

Когда преподаватели, ученики и гости отправились в Зал Двух Стихий на праздничный обед, подъемный мост вновь заходил ходуном и во двор ввалились Дубыня, Усыня и Горыня. Последние месяцы им было поручено охранять побережье вдали от Тибидохса. Там богатыри-вышибалы редко попадались на глаза преподавателям и основательно отбились от рук. Соорудили самогонный аппарат и порой, скучая без шашлычка, тайком валили в заповедном лесу оленей. Буйство богатырей достигало порой такого градуса, что Сарданапал выходил на стену и принюхивался к ветру, не понимая, почему тот пахнет перегаром.

Про гонки на избушках Дубыня, Горыня и Усыня ничего не знали и теперь порядком озадачились, обнаружив, что весь внутренний дворик забит куроногими домиками.

– Что за курятник тут устроили? – сказал Горыня.

– Я прям щас закукарекаю! – заявил Усыня.

Дубыня тоже хотел что-то сказать, но, как с ним регулярно случалось, вновь ощутил кризис жанра. Так ничего и не выдумав, он занес над головой палицу и выдвинулся вперед. Встревоженно закудахтав, избушки прыснули в стороны, роняя с крыш пучки соломы.

Чум на оленьих копытах спрятался за украинскую хату. На месте осталась только многоэтажка на бройлерных окорочках. К ней-то, вдохновленный легкой победой, и двинулся Дубыня.

– А ты че тут встала, дылда? А ну топай! – прикрикнул он на нее и ударил палицей по окорочку.

Многоэтажка задиристо закукарекала и размахнулась ушибленным окорочком. Пинок вышел на славу. Дубыня, удаляющийся со скоростью пушечного ядра, был виден издали – из всех окон и со всех башен. Траектория его полета была классической и соответствовала всем лопухоидным законам физики. Описав гигантскую дугу и полюбовавшись островом Буяном с высоты богатырского полета, снаряд по имени Дубыня приземлился где-то в районе прибрежных скал.

Горыня и Усыня, вздумавшие было обломать о Многоэтажку свои палицы, остановились.

– Слышь, брат, чего я подумал? Надо сперва пойти поискать Дубыню, – почесывая лоб, сказал Горыня.

– Но ты, клуша многоэтажная, не радуйся! Подумаешь, крыша у нее! Мы еще вернемся! – добавил Усыня, и оба богатыря, втянув головы в плечи, отступили к лесу.

Избушки помельче с цыплячьей радостью окружили Многоэтажку, кудахтавшую с бойкостью бывалой наседки...

* * *

В конце торжественного обеда, плавно перешедшего в не менее торжественный ужин, к Тане, застенчиво ковыряя в зубах ножом, приблизился Тарарах.

– Тань, поговорить надо! Давай отойдем к лестнице! – сказал питекантроп.

Ванька Валялкин с обидой отвернулся. Раньше у Тарараха не было от него тайн.

– Ого, какие мы секретные! Может, Тарарах переворот в Тибидохсе замыслил? – насмешливо шепнул ему Баб-Ягун.

Ванька едва не швырнул в него тарелкой.

– Да ладно, не обижайся ты! Какой Тарарах интриган? Он питекантроп! Какие интриги могли быть в каменном веке? Дубиной по лбу – вот и весь пещерный

переворот, – утешая его, добавил Ягун.

Таня и Тарарах отошли к лестнице атлантов. Здесь их могли подслушать только атланты, но атлантов не интересовало ничего, кроме их основного занятия.

– Просьба у меня к тебе... Только чур никому! Договорились? – продолжал Тарарах.

– Договорились, – сказала Таня.

Она переминалась с ноги на ногу, дожидаясь, когда можно будет вернуться к слоенному пирогу. После нескольких недель общения с речной скатертью она нуждалась в чем-то менее питательном и полезном. Например, в жирном пироге с кремом и полным отсутствии витаминов.

– Ты как, к экзаменам-то готовишься? – поинтересовался Тарарах.

– Да вроде, – не очень уверенно ответила Таня, невольно задумываясь, правду сказала она или нет.

С одной стороны, до учебников они с Ягуном и Ванькой еще так и не добрались. С другой – уже неделю пытались вылупить из малахита духа всеведения, поливая его драконьими слезами и держа на холоде. Дух действительно вылуплялся, но всякий раз получался таким идиотом, что не только не был способен подсказывать, но не помнил даже, как его зовут.

– Ты, Танюх, смотри хорошо учись... Чтоб от зубов отскакивало! Чтоб в любую секунду, хоть ночью тебя разбуди, все в башке стояло... Оно, конечно, искрой запустить и без знаний можно. Тут и профессором-то быть не нужно, а просто головастым. Иной профессор, как до дела дойдет, такого наворотит, что только и останется от него, что нос... – Спohватившись, что сам себя опровергает, Тарарах замолчал и застенчиво зашевелил пальцами ног. Он всегда ходил босиком, утверждая, что в башмаках чувствует себя как носорог на протезах.

«Что-то мне все это не нравится. Про учебу заговорил... Вдруг у него снова все аспиды расползлись, а собирать некому?» – опасливо подумала Таня.

Собравшись с духом, питекантроп набрал полную грудь воздуха, выдохнул с такой силой, будто задувал свечу, горевшую где-то в другом конце зала, и приступил к сути:

– Я, Танюха, хочу сегодня к избушкам на ночь пойтить. Интересно мне поглядеть, как они там. Гнездо свивают или, может, стоя спят.

– Сходи. Почему бы и нет? – сказала Таня.

– Опять же – вдруг повезет, и какая-нибудь избушка яйцо снесет. Я бы его к птице Сирин в гнездо положил – она бы мне избушонка вывела. А я бы его потом Ягге подарил... – продолжал бубнить Тарарах.

– Здорово. Ягге обрадуется.

Пока Таня не понимала, в чем тут секрет. Разве что Тарарах опасается, что она проговорится Ягуну, а он – своей бабуся, и тогда не будет сюрприза.

– Во-во! И я говорю: здорово! – воодушевился Тарарах. – Так, значит, ты согласна? Ты посидишь со Спящим Красавцем?

– С кем, с кем? – переспросила Таня.

Тарарах поднес палец к губам:

– Тшш! Потом узнаешь. Только учти: сидеть придется всю ночь. Иначе не пойдет.

– А кто это такой – Спящий Красавец?

– Потом узнаешь. Пока не могу сказать. Так да или нет? Я тебя давно ни о чем не просил.

– Ну ладно, – уступила Таня.

– Значит, да? – недоверчиво переспросил питекантроп.

– Да, да, да, да! – уныло повторила Таня.

Она уже прикинула, что пирог можно будет взять с собой. К тому же Красавцы, даже и спящие, тоже на дорогах не валяются. Интересно будет на него посмотреть. Если же Красавец внезапно проснется и будет надоедать, его всегда можно будет спихнуть Верке Попугаевой или Гробыне.

Тарарах просиял.

– Я знал, что ты согласишься! Ты не пожалеешь! – выпалил он. – Тогда через десять минут у меня в берлоге! Постучишь вот так: раз-два-три, раз-два...Только запомни – чтоб ни гугу!

Таня вернулась к столу. Баб-Ягун и Ванька с любопытством покосились на нее, но ничего не спросили.

– Мне нужно отлучиться... Я не могу ничего рассказать, потому что... Ну, короче, за завтраком увидимся! – сбивчиво проговорила она.

– Угу, – Ванька равнодушно отвернулся. Таня, отлично его знавшая, поняла, что он не на шутку разобижен.

Она виновато развела руками, завернула в салфетку большой кусок пирога и выскользнула из Зала Двух Стихий. Поднявшись по лестнице атлантов, она свернула в первый же темный коридор. Это был не самый короткий путь к берлоге Тарараха, однако девочка надеялась, что здесь она точно никого не встретит. Факелы неприветливо шипели и сыпали искрами. Где-то в закоулках дребезжала расшатанными спицами Инвалидная Коляска. Таня, не останавливаясь, запустила в нее «дрыгусом».

Она была уже на полпути к берлоге Тарараха, когда внезапно из ниши, преградив ей дорогу, выплыл темный силуэт. Таня завизжала. От ее визга погасли два факела. Где-то наверху треснуло стекло.

Уж что-что, а визжать малютка Гроттер умела и делала это мастерски. Уроки ей давала сама Пипа. Здесь же, в Тибидохсе, она совершенствовала мастерство у Кати Лотковой и Верки Попугаевой – двух знаменитых паникерш. Фигура

отшатнулась и, зажав руками уши, издала птичий крик. Одновременно ее лицо попало в лунный луч, голубоватой струйкой вливавшийся сквозь витраж. Таня узнала Поклеп Поклепыча.

Бесцветные глазки завуча замораживали девочку с головы и до самых пят. Тане почудилось, что у нее в желудке начинает образовываться ледяной ком. По телу забегали колющие искры.

– Гроттер, немедленно закрой рот! Ты меня оглушила! Что ты тут делаешь? – прошипел завуч.

– Гуляю!

Поклеп недоверчиво осклабился:

– Здесь? А что, нет более подходящих мест для прогулок?

– Есть, – машинально ответила Таня.

– Тогда что ты тут делаешь? – прищурился завуч.

– Э-э... Везде полно народу. А тут мне никто не мешает сосредоточиться. Я обдумываю сочинение на тему «Использование протухших медуз в магических целях». Можете спросить у профессора Клоппа. Это он нам его задал! – поспешно нашаривая первое попавшееся объяснение, сказала Таня.

– Хорошо, я обязательно поинтересуюсь у Клоппа, разрешает ли он шататься по коридорам, – с угрозой пообещал Поклеп.

Его глазки липкими червячками проползли по Таниным рукам и остановились на салфетке:

– Тэк-с. Сверток. Что в свертке?

– Пирог, – растерялась Таня.

– В самом деле? А ну дай его сюда! – потребовал завуч.

Дальше Поклеп Поклепыч повел себя непредсказуемо. Он бросил сверток на пол, коршуном навис над ним и стал крошить пирог, не обращая внимания на крем и варенье, измазавшие ему пальцы. При этом он ухитрялся держать наготове магическое кольцо, чтобы в случае необходимости метнуть боевую искру. Наконец пирог был уничтожен – растоптан ногами. На полу осталось лишь безобразное месиво, на которое стали слетаться осы. Одна из них даже ужалила завуча в палец. Почему-то это Поклепа успокоило.

– Осы не могут ошибиться. Это и правда был пирог... – негромко сказал он сам себе. – Ладно, Гроттер, иди! Только не думай, что я тебе поверил! Тебе еще предстоит давать объяснения, и очень скоро!

Он еще раз пробуравил Таню взглядом и вновь удалился в нишу.

Таня успела заметить там раскладной стульчик, сотворенный с помощью простейшей магии. «Ага, Поклеп сидит в засаде! Кого, интересно, он подстерегает? И пирог-то мой чем ему не угодил?» – подумала она.

Вскоре, ухитрившись больше ни на кого не натолкнуться, Таня стояла у дверей комнаты Тараха, пытаясь вспомнить условленный стук. Но не успела она постучать, как дверь распахнулась сама и питекантроп за рукав буквально втащил ее внутрь. Похоже, пребывающий в нетерпении Тарах дежурил у двери, подглядывая в щелку. Он высунул голову в коридор и, поглядев по сторонам, запер дверь.

Таня с любопытством осмотрелась. Тарах недаром называл свою комнату берлогой. Назвать ее как-то иначе было сложно. Стены покрывала копоть, за исключением тех мест, где питекантроп камнем нацарапал силуэты оленей и зубров.

В углу, сваленная в кучу, громоздилась неплохая коллекция копий, узловатых палиц и каменных топоров. Топоров было особенно много. Тарах вытесывал их долгими зимними вечерами, вспоминая о пещерных временах. Посреди берлоги из камней был выложен очаг, рядом с которым лежала охапка листьев и сухой травы. На них Тарах спал, утверждая, что так гораздо удобнее.

«Еще бы! – с гордостью говорил он. – Постель надо заправлять, белье стирать, а так раз в год бросил солому в огонь, листики туда же смел – и нагреб новых!»

– Тебя никто не видел? – озабоченно спросил Тарарах.

– Видел. Я наткнулась на Поклепа. Он кого-то подкарауливал, – призналась Таня.

Питекантроп уронил полено, которое собирался подбросить в очаг.

– Где это было? Далеко отсюда? – как бы вскользь поинтересовался он.

– Не-а, не очень. Знаешь, между лестницей атлантов и Башней Привидений есть кривой коридорчик, где факелы все время гаснут?

– А, понятно! – сказал Тарарах.

Тане почудилось, что он опасался услышать что-то другое и теперь испытал облегчение.

– А еще он раскрошил и растоптал мой пирог. Ты не знаешь зачем? У него извилины морским узлом завязались, что ли? – пожала плечами она.

Таня думала, что Тарарах удивится или хотя бы возмутится поступком завуча, но этого почему-то не произошло. Питекантроп выслушал известие о пироге без особого интереса. Он лишь пробормотал:

– Пирог... Эхма как! Чего-то Поклепа завезло. Это никак не может быть пирогом, хотя кто его знает, чем оно окажется...

– Ты о чем? Какое еще это? – быстро спросила Таня.

– Не могу тебе сказать. Честно говоря, сам мало что знаю. Так, есть кое-какие догадки... – уклончиво ответил Тарарах.

Питекантроп подошел к занавеске, разделявшей его берлогу на две половины. Он уже взялся за нее, чтобы отодвинуть, но вдруг отнял руку и повернулся

к Тане:

– Я так не могу. Это не шутки! Ты должна дать страшную клятву, что будешь нема как могила! Понимаешь?

– Ты имеешь в виду смертельную клятву? – с дрожью в голосе спросила Таня.

Тарарах сурово кивнул. Таня ощутила сухость во рту. Ей, как и всем в Тибидохсе, было хорошо известно, что представляет собой смертельная клятва. Маг, произнесший смертельную клятву – по своей ли воле или под принуждением, – уже не может нарушить ее ни при каких обстоятельствах. Даже случайное нарушение клятвы – например, если, не удержавшись, поведать тайну самому близкому другу – влечет за собой мучительную и страшную смерть.

– Ты готова? – спросил Тарарах.

– Клянусь, что никому никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажу о том, что сейчас увижу! Никто не узнает от меня о Спящем Красавце! Разрази громус! – выпалила Таня.

Зеленая искра, оторвавшаяся от ее кольца, зависла посреди комнаты, превратившись на миг в подобие шаровой молнии. Точно такая же молния должна была поразить Таню, вздумай она проболтаться.

– Прости, что пришлось потребовать с тебя клятву... Но думаю, скоро ты все сама поймешь. Знакомься: вот и Спящий Красавец! – сказал Тарарах, решительно отодвигая занавеску.

Таня невольно отпрянула. За занавеской на серебряных цепях раскачивался хрустальный гроб. Девочка нерешительно приблизилась, посмотрела на Спящего Красавца, и в сердце у нее шевельнулся червячок разочарования. Признаться, она ожидала увидеть нечто другое.

В хрустальном гробу, подложив под щеку руки, посапывал коротконогий мужичок с такими пористыми щеками, что в них впору было сажать цветы. В петлице его белого парадного мундира жалко скрючилась засохшая гвоздика.

– Фу, какой страшный! Как там у него с родословной? Крокодилов не попадалось? – поинтересовалась Таня.

Тарарах весело хмыкнул:

– А ты как хотела? Не нашли его вовремя, вот и засахарился малость! Зато это настоящий Людвиг Шампиньонский! Где-то тут у него даже мундирчик был подписан. Всех Спящих Красавцев в Средневековье обязательно помечали... Погоди-ка! – Тарарах суетливо стал осматривать воротник и показал Тане бирочку: – Вот видишь! Что я говорил? Людвиг Шампиньонский! – обрадовался питекантроп.

Таня не стала его разочаровывать, хотя на бирке ясно значилось «Готфрид Бульонский». Она давно уже знала от Ваньки, что у питекантропа неважно с грамотой.

Таня посмотрела на Тарараха, и в нее зубным буром вдруг вонзилось подозрение.

– Знаешь что, Тарарах... Посидеть я с ним посижу, а целовать его не буду! – заявила она. – Если тебе это надо, уж лучше Гробыню позвать. Она и лягушку поцелует. А если его надо потискать и пощекотать – это к Дуське Пупсиковой.

Тарарах даже испугался:

– Ты того... Что за мысли? Я потому и попросил тебя с ним посидеть, что был уверен: ты не станешь его целовать. А то он, чего доброго, проснется! Все эти Спящие Красавцы малость с приветом. Будет шататься и всем надоедать. А то еще буйным окажется. Да и вообще он малость того... странный какой-то. Не нравится мне совсем.

– Послушай, Тарарах, откуда у тебя взялся этот Готфри... Людвиг Шампиньонский? Зачем он тебе вообще?

Питекантроп укоризненно уставился на девочку, всем своим видом показывая, что Людвиг Шампиньонский ему не особенно нужен. Даже скорее он рад был бы от него отделаться, но не может в силу определенных обстоятельств.

– Понимаешь, тут какое дело... Это личная просьба Сарданапала. Я не мог отказать. Академик нашел его в пещере на побережье около месяца назад. Раньше вход в пещеру был занесен песком, а тут штормом песок размыло. Сарданапал увидел щель, протиснулся и смотрит: он в пещере, перед ним гроб на цепях, а над гробом на скале высечена надпись. У меня-то с грамотой не того, но со слов Сарданапала смысл такой: «Осторожно! Отсроченное проклятие! Год, когда оно будет снято, станет годом страшного испытания для всего Тибидохса!» Теперь ты понимаешь, почему я взял с тебя клятву? Речь идет о судьбе всего Тибидохса!

Тарарах поскреб короткими пальцами заросшую щеку и с досадой толкнул хрустальный гроб, закачавшийся на цепях.

– Средневековые маги обожали гадить потомкам. Некоторые даже ухитрялись наляпать кучу отсроченных проклятий и быстренько помирали, чтобы отменить нельзя было, – пожаловался он.

– Погоди! А разве, когда они живы, тогда... – пораженно начала Таня.

– Ага. А ты что, не знала? – перебил ее питекантроп. – Пока маг еще на этом свете, его проклятие всегда отменить можно, хоть иногда и приходится мозгами пораскинуть, а вот как помер – тут уж все. Как проклял – так тому и быть. Раньше знаешь даже как бывало: разругается, положим, слабый маг с сильным. Проклянет его, а сам быстренько в пруд с камнем на шее. Ну тут уж и сильному магу никуда не деться – проклятие-то уже не снять, хоть ты тресни! Позднее Древнир это дело пресек и так устроил, что отсроченные проклятия впредь нельзя было накладывать. Да только все равно мало толку: проклятий-то с прежних времен знаешь сколько понаставлено!

Тарарах даже рукой махнул, показывая, что такого барахла везде целые кучи.

– Представляю, как встревожился Сарданапал, когда прочитал это предупреждение! – сказала Таня.

– «Встревожился» – не то слово! Он сразу смекнул, что все это серьезно, и стал думать, как ему выкрутиться. Оставить в пещере – не сегодня-завтра начнутся каникулы. По берегу будут бегать всякие любопытные дурочки и наверняка сунут нос в пещеру. Тогда он ночью перенес хрустальный гроб в Тибидохс, отдал

его Ягге и велел беречь как зеницу ока. «Поставь, – говорит, – в какую-нибудь дальнюю комнату магпункта и запири на ключ. Только не в подвал, там нежити полно». Но ты ж Ягге знаешь! Уже через пару недель ей этот Красавец надоел, и она начала от него отбрыкиваться. У нее, мол, больные плохо выздоравливают, когда в соседней комнате стоит гроб. Они, может, про него и не знают, но ей самой неприятно. Короче, спланировала его обратно Сарданапалу, а тот уже мне. Знает, что я этого хмыря вовек не поцелую и никого к нему не подпущу. Опять же в берлоге у меня кто бывает? Разве что профессор Клопп раз в сто лет забредет выпить стаканчик-другой. Да только Клоппу эти Красавцы по барабану... Да и Красавицы, если разобраться, уже тоже...

Неожиданно Тарарах насторожился. Спящий Красавец шумно повернулся в гробу и открыл глаза. Таня вскрикнула. Тарарах метнулся к гробу и, раскачивая его, хриплым голосом затянул:

– Баю-бай, баю-бай! Поскорее засыпай! Придет серенький волчок и укусит за бочок!

Красавец ошоловел моргнул и, вновь закрыв глаза, стал сладко причмокивать губами. Тарарах перестал петь и отошел от гроба.

– Уф! Еще действует, но с каждым разом все хуже... Ладно, пошел я. А то пропушу, как Избушки укладываются, – сказал он.

Он двинулся было к дверям, но Таня вцепилась в его руку:

– ТАРАРАХ! Почему ты мне не сказал, что он просыпается?! Ты поэтому хотел, чтоб я осталась, да?

Питекантроп жутко смутился и, хотя в берлоге, кроме Тани и Красавца, никого не было, снизил голос до едва различимого шепота:

– Понимаешь... Тут такое дело... Это совсем недавно началось. Он не то чтоб просыпается, а вроде как страдает лунатизмом! Раньше я сам об этом не знал. Но как-то просыпаюсь – нет его. Я бросился в коридор и давай искать! Едва нашел – он почти что в Зал Двух Стихий забрел. Я его в охапку – и тащить, а он сильный как вурдалак! Толкнул меня – я и отлетел! Хорошо, я догадался колыбельные петь. Он сразу успокоился и прямо на полу заснул. Я его едва

допер... Ты того, как он просыпаться начнет, сразу колыбельные пой – они его моментально вырубают.

– Я не знаю колыбельных!

– Да не важно! Ты пой что попало! Глуши его хоть военным маршем... Он того... не особенно разборчив. Главное – не замолкай. Только он шевелиться начнет – сразу пой... Ну все, я помчался!

Преподаватель ветеринарной магии ловко освободился от Таниной руки и выскользнул за дверь быстрее, чем девочка успела его удержать. По коридору весело забухали шаги. Насвистывая, Тарарах, получивший отгул на всю ночь, мчался наблюдать за Избушками.

Таня подбросила в огонь еще пару поленьев и уселась на солому.

Четверть часа спустя Спящий Красавец зашевелился вновь. Тане пришлось долго раскачивать гроб, напевая современную попсу – единственное, что она могла вспомнить. В прошлые каникулы Гробыня протащила в Тибидохс лопухоидный приемник и теперь слушала по ночам все, что могла поймать. Иногда она приглашала Гуню Гломова и подзуживала его, чтобы тот потанцевал вместе с Пажом. Однажды ревнивый скелет даже укусил Гломова за ухо.

Попса действовала на Спящего Красавца возбуждающе. Он ворочался и грыз подушку. Зато при звуках рэпа Готфрид сразу зазевал и отрубился. От радости Таня перешла на «Калинку-малинку» и, перестав раскачивать хрустальный гроб, вернулась к огню.

Потрясенный новыми дарованиями музыкального мира, Спящий Красавец долго не просыпался. Примерно до двух часов ночи Таня крепилась, нарезая круги вокруг костра и разглядывая зверей на стенах берлоги. Художник Тарарах был неважный, но заметно было, что высекал с вдохновением и от всей души.

Утомившись бродить взад-вперед по Тарараховой берлоге, Таня нагребла соломы с таким расчетом, чтобы постоянно иметь хрустальный гроб в поле своего зрения. Она прилегла, некоторое время честно паялилась на храпящего Красавца, а потом всего лишь на секунду закрыла отяжелевшие веки – и уснула.

Уже под утро Таню разбудил неясный звук. Спросонья ей почудилось, что в углу упал каменный топор. Угли почти погасли.

Спящий Красавец сидел в гробу и улыбался в темноту синеватыми зубами. Крышка была аккуратно прислонена к гробу и слегка покачивалась вместе с цепями. Страх тысячами бойких мурашек забегал по Таниным жилам. Она была точно парализована. Слова всех песен сухим горохом высыпались у нее из памяти.

Спящий Красавец неуклюже выбрался из гроба и, вытянув вперед руки, направился к дверям. Не заметив Таню, он перешагнул через нее, едва не наступив на угли, и вышел в коридор.

– Пундус храпундус! – прошептала Таня, вскидывая кольцо.

Перстень Феофила Гроттера выбросил зеленую искру, но она была неяркая и, едва вспыхнув, зачихала. Таня вспомнила, что Спящий Красавец находится под действием отсроченного проклятия и всякая иная магия здесь бессильна.

Окончательно проснувшись, она бросилась за Спящим Красавцем, но тот уже куда-то исчез. Коридор был пуст. Лишь сверху, пробиваясь сквозь треснувший витраж, на каменные плиты гулко падали капли да шипя чадили розоватым пламенем негаснувшие факелы.

Таня метнулась сначала в одну сторону, затем в другую. Извилистые коридоры Тибидохса переплетались точно змеи. Искать Спящего Красавца в этих лабиринтах было почти бесполезно, особенно не зная, куда он направился.

Внезапно Таня вспомнила, что Тарарах говорил ей про Зал Двух Стихий. Вдруг летаргического Красавца снова потянуло туда же? Тогда он непременно натолкнется на Поклепа, если тот еще в засаде.

Не размышляя, что скажет завучу, если тот вновь перехватит ее, Таня побежала к Залу и к лестнице атлантов. В глазах мелькали и расплывались пятна факелов. Сердце стучало и прыгало в тесной клетке ребер. Она была уже в галерее между Башней Привидений и лестницей атлантов, когда неожиданно ее больно ударила по ногам выпрыгнувшая неизвестно откуда ступенька.

Таня упала и тихонько заскулила, баюкая ушибленное колено и шепча ступеньке горячие укоризненные слова. Внезапно впереди, там, где главный коридор пересекался со второстепенным и где почти совсем не было факелов, замаячила чья-то тень. Не раздумывая, Таня быстро отползла и спряталась за той самой ступенькой, о которой только что критически отзывалась.

Девочка сама толком не смогла бы объяснить, что заставило ее спрятаться. Если это был Спящий Красавец, то ведь именно он был ей нужен! С другой стороны, нельзя было исключить, что это окажется Поклеп. Самым правильным было вначале определиться, а уже потом начинать сольное пение.

Фигура, прислушиваясь, замерла на пересечении коридоров. В сумраке лицо ее казалось смазанным и нечетким. На себе неизвестный тащил что-то громоздкое. Простояв некоторое время в размышлении, он вновь взвалил груз на плечи и, пошатываясь от тяжести, скрылся в одном из ходов.

Таня выбралась из своего укрытия и неслышно побежала следом. Негромкий звук заставил ее замереть. На магическом стульчике, привалившись головой к стене, спал в засаде Поклеп Поклепыч.

– Плыви сюда! Ближе! Еще ближе! У тебя такой прохладный хвост! – бормотал он во сне.

Пламя факела дрогнуло. По лицу завуча суетливо забегали тени. В тибидохском болоте закричала выпь. Поклеп вздрогнул и заскрипел зубами. Крик выпи загадочным образом вызвал у спящего приступ ревности.

– Нет, нет! Не хочу рыбьего жира! Убери сейчас же ложку! Я ненавижу тебя, не хочу любить! Я видел, как ты вчера подмигивала водяному, этому мокрому ничтожеству! Я осушу пруд, выдеру ему бороду, заброшу его на солнце! – застонал завуч.

«Бедняга! И зачем он полюбил русалку? Куда правильнее было бы влюбиться в Попугаеву. Ей просто невозможно не понравиться», – подумала Таня.

Последнее время Попугаева так часто совала свой нос в ее дела, что «малютка Гроттер» нередко думала о ней с раздражением.

Когда она наконец прокралась мимо Поклеп Поклепыча, Спящий Красавец со своим грузом – а кто еще это мог быть, раз Поклеп сидел на стуле? – исчез неизвестно куда.

Не обнаружив Спящего Красавца в Зале Двух Стихий, Таня проискала его до рассвета. Так и не найдя его, она убито поплелась в берлогу к Тарараху, со стыдом размышляя, что ему скажет.

Перешагнув порог, она едва не превратилась в соляной столб.

Спящий Красавец лежал в хрустальном гробу и, закинув руки за голову, самозабвенно храпывал «Героическую симфонию». Девочке осталось только поправить крышку гроба, чтобы храп не разносился по всему Тибидохсу.

«Кого же я видела там, в коридоре? Он это был или не он? И если он, то где то, что он тащил?» – подумала Таня.

Внезапно она поняла, что ничего не скажет Тарараху. Питекантроп так верил, что она справится, так просил ее, а она подвела. Нет, лучше, если Тарарах ничего не узнает. К тому же Готфрид Бульонский уже на месте – в целости и нецелованности. В обморок падать как будто не с чего.

Успокоившись, Таня присела у огня. Спать уже не хотелось. За окном у Башни перекликались сторожевые циклопы. Приближалось утро.

Глава 3

Многоэтажка на бройлерных окорочках и полоса препятствий

Ближе к полудню вся высшая школа волшебства собралась на главном драконбольном поле. Правда, для гонок на избушках его пришлось слегка переоборудовать. Магический защитный купол был снят, а на песчаной арене размечены дорожки.

Вокруг поля стояли циклопы, которых Поклеп нагнал следить за порядком. Они позевывали и, опираясь на дубины, тревожно косились на Усыню, Горыню и Дубыню. Дубыня выглядел молодцом, хотя нос у него и сместился несколько на сторону, а вместо одного из передних зубов появился хорошо вентилируемый просвет.

На трибунах почти не было свободных мест, разве что на самом верху, откуда, кроме облаков, из-за которых то и дело выглядывали шаловливые купидончики, пробравшиеся на матч без билетов, все равно ничего увидеть было нельзя. Между рядами витали прозрачные силуэты привидений.

Поручик Ржевский раскланивался со знакомыми, половина из которых пыталась запустить в него «Дрыгусом-брыгусом».

Безглазый Ужас, прикативший на гонки в Инвалидной Коляске, угощал всех желающих конфетками, на которых были изображены череп и скрещенные кости. У Недолеченной Дама на шее висела колонковая муфта, выглядевшая так, словно из нее нащипали уже три десятка кисточек, а челюсть была подвязана полотенцем.

– Зубы болят! – жаловалась она всем.

И горе тому, кто спрашивал «где?».

– ВОТ! – отвечала Дама, с явным удовольствием извлекая свою челюсть из муфты.

Сострадательный зритель невольно кривился, а Дама, заметив это, принималась колотить его призрачным зонтиком и визжать:

– Нет, вы видели этого сухаря! Хам! И посочувствовать не хочет!

Таня и Ванька Валялкин сидели в первом ряду недалеко от судейской скамьи. Баб-Ягуна, который больше всех суетился с перетяжками, с ними не было. Сарданапал спохватился, что у гонок нет комментатора, и пересадил Ягуна на комментаторскую вышку, чем-то похожую на вышку волейбольного судьи. С нее Ягуну было видно куда как лучше, правда, приходилось тарыхтеть

без умолку. Но с этим-то он справлялся.

Сидевшая рядом Гробыня, бесцеремонно занявшая место Ягуна и вертевшая головой по сторонам, толкнула Таню локтем:

– Гроттерша, смотри! Тридцать три богатыря! Вот бы кого охмурить, а?

– Тебе надо, ты и охмуряй! – буркнула Таня.

Она недоверчиво оглянулась на трибуну, где, чешуей золотой горя и изучая афишки с расписанием забегов, восседали красавцы молодые, великаны удалые. Несмотря на то что ей часто приходилось о них слышать, видела она их впервые.

– А почему они одни? Где дядька Черномор? – спросила Таня.

Гробыня покрутила указательным пальцем у виска и молча показала на место главного судьи, которое занимал академик Черноморов.

Спохватившись, Таня прикусила язычок. Это ж надо было так сесть в лужу, да еще перед кем!

– Дорогие зрители! С вами снова я, всеми любимый и многих раздражающий Баб-Ягун. Обычно вы можете любоваться мной на поле, когда я отважно вхожу в штопор на ревущем пылесосе. Но это на драконбольных матчах. Сейчас же я, мудрый и отважный, как античный бог, нахожусь на комментаторской вышке! О! Вот я уже вижу в пятом ряду трогательно кислое, некрасивое лицо моего лучшего друга Демьяна Горьянова! – пунцовея ушами, начал Баб-Ягун.

– Чтоб ты треснул! Античный бог! – зеленея от злости, фыркнул Демьян Горьянов.

Защитная жилетка Баб-Ягуна затрещала, успешно отразив сглаз.

– Передо мной на стартовой полосе толпятся избушки. На каждой стараниями Поклеп Поклепыча натянута полотняная полоска с ее номером – от первого до тринадцатого. Разумеется, это очень мудрое, я бы даже сказал – прозорливое, решение тибидохского завуча. Вдруг бы мы с вами перепутали

чукотский чум с многоэтажкой или украинской хатой? – съехидничал Ягун.

Жилетка снова затрещала – громко и истерично, как зудильник. На этот раз ей пришлось справляться с куда более сильным сглазом. Ягге строго округлила глаза и погрозила внуку кулаком. Поклеп Поклепыч недовольно потер переносицу и отвернулся.

Баб-Ягун, как многие великие ораторы, порой забывавший, о чем он только что говорил, посмотрел на ладонь, радуясь, что подстраховался шпаргалкой.

– Избушки на Курьих Ножках – очень редкий мифологический вид, относящийся к роду зооморфных бесфундаментных строений. Новая избушка может вылупиться не чаще чем раз в сто лет. В лесной полосе России – а больше нигде они не обитают – их осталось так мало, что они давно занесены в Охранную книгу. Именно поэтому, привлекая внимание к этому уникальному виду, в Тибидохсе и решили проводить ежегодные смотры.

– Не занудствуй, Ягун! Я прямо обрыдалась от умиления! Ути-пути, бедненькие домики! Чтоб они тебе на язык наступили! – с места крикнула Гробыня Склепова.

Ягун испытал сильное желание запустить в нее боевой искрой.

– Я своей бабушке верю. Она говорит, что Избушка на Курьих Ножках не просто маленький деревянный дом с печью. Это еще и друг. Настоящий друг на столетия. Когда у нас избушку угнали, Ягге едва не умерла от огорчения. Ясно тебе?

– Ясно. Кое-кто был ходячим пылесосом, а стал заядлым избятником. Не сегодня-завтра заведет инкубатор и наплодит полный Буян пинающихся домиков, – вновь крикнула Гробыня.

Гуня Гломов и Демьян Горьянов противно заржали.

Баб-Ягун сообразил, что переругиваться на весь стадион не имеет смысла, и быстро сменил тему.

– Первые международные гонки на избушках состоят из трех этапов. Начальный этап – ориентирование на местности, второй – джигитовка, третий – полоса препятствий. Победитель выявляется по сумме баллов по результатам всех этапов, – объявил он.

Шурасик так поспешно принялся строчить в блокнотике, что затупил карандашик. Остальные девять тысяч девятьсот девяносто девять зрителей записывать не стали, а доверились памяти.

На поле, начальственно надувая щеки, вышел Поклеп Поклепыч.

– Избушки, слушай мою команду! Равняйся! Смир-рна! Нале-напра-во! Кругом! – деловито скомандовал он.

Избушки отнеслись к его словам с полным пренебрежением. Ни одна не стронулась с места. Кругом повернулась одна только Многоэтажка на бройлерных окорочках.

– Умница! Хорошая девочка! – покровительственно уронил Поклеп и вдруг завизжал: – Эй! Что ты делаешь?

Он запоздало сообразил, что Многоэтажка повернулась потому, что ей вздумалось забросать его песком. А стоя задом, загребать песок было куда удобнее.

Трибуны захохотали. Сконфуженный Поклеп поспешил ретироваться. Русалка, которую он, по обыкновению, доставил на гонки в бочке, ударила хвостом и обдала Поклепа водой. Завуч стал гораздо чище, зато сразу пропах рыбой.

– Прылестно! Просто прылестно! – скривившись, сказала брезгливая Зубодериха. Она зажала нос платочком и поспешно перебралась на другую скамейку.

Русалка оскорбленно плеснула ей вслед, но промахнулась, и вся вода попала на Риту Шито-Крыто. Шито-Крыто была не в претензии. Она с трех лет обожала маринованную сельдь, запах которой был близок к русалочьему.

– Лукерья-в-голове-перья! Номер первый! Прошу любить и не жаловаться, ежели кого по ошибке сглазят! – объявил Баб-Ягун.

Из избышки выскочила дряхлая, но очень резвая старушонка. Правая нога у нее была костяная, а из нижней челюсти рос желтый зуб. Зуб был один-единственный, зато таких размеров, что его было видно даже с предпоследнего ряда.

Лукерья-в-голове-перья молодецкато свистнула, вселив легкую зависть даже в Соловья О. Разбойника.

«Теть Луш! Я ж просил! Пускай бы думали, что я сам научился!» – недовольно пробормотал Соловей Одихмантьевич.

– А ну-ка, избышка! Встань к лесу задом, ко мне передом! – скомандовала Лукерья-в-голове-перья.

Избушка немедленно заскрипела, содрогнулась от крыльца до ставен и от ставен до крыши и стала напряженно отыскивать лес, ворочая во все стороны единственным окошком с геранью. После непродолжительных поисков лес был обнаружен. Правда, при этом выяснилось, что Лукерья-в-голове-перья и лес находятся в одной стороне, поэтому встать к Лукерье передом, а к лесу задом положительно невозможно.

Выходя из положения, избышка стала обегать хозяйку, чтобы оказаться между ней и лесом, и едва не затоптала младшего арбитра из бывших шаманов.

– Стоп! – закричал Сарданапал. – Не засчитано! Следующий!

– Ах так? Ну ничего! На джигитовке отыграюсь! – сказала Лукерья.

Стуча костяной ногой, она забралась в избышку и сердито хлопнула дверью.

Вслед за незадачливой Лукерьей выступили Глашка-простоквашка, Матрена Большая, Матрена Меньшая, Солонина Андреевна, Аза Нафталиновна и другие участницы. Ориентирование на местности далось избышкам с разным успехом. Лучше других с первым этапом справились чукотские чумы. Они находили

не только лес, скалы и Тибидохс, но даже определяли по солнцу стороны света и четко показывали оленьими копытами, где экватор. Многоэтажка на бройлерных окорочках тоже прошла ориентирование вполне достойно. К сожалению, при этом пострадали еще два шамана и один джинн, суетившиеся вокруг с рулетками.

Однако высший балл получила избушка Солонины Андреевны, сумевшая выполнить поразительно сложное задание, повернувшись четко на семьдесят два градуса к названному башмаку Сарданапала – именно к тому, на котором был подклеен каблук. И это несмотря на то, что команду она получила на латыни!

– Ну что? Кто будет вручать призовую ленточку за первый этап? По правилам ее полагается привязать к правой ноге победившей в этапе избушки! – бодро сказал Сарданапал.

– Может, арбитрам поручим? Избушка-то довольно лягачая. Как бы чего не вышло! – опасливо сказала Зубодериха.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса покачал головой:

– Арбитров уже, почитай, всех затоптали. Придется кому-то из нас! Я предлагаю кандидатуру профессора Клоппа! Кто «за»? Я «за»! – сказал он.

Сразу поднялся лес рук. Клоппа никто не любил. Воздержалась только Зубодериха, не рискнувшая голосовать против своего непосредственного начальника.

Профессор Клопп пожелтел как лимон.

– Я брать самоотвод! Меня затоптать не надоел! Кто писать правил – тот пускай и отдуваться за свой больной фантазий! – выкрикнул он.

– А что, вполне здоровое предложение! Не правда ли, коллеги? Я согласен! Кто составлял правила?.. Я спрашиваю: кто составлял эти идиотские правила? Почему никто не сознается? Я же все равно узнаю! – сердито повторил Сарданапал.

– Правила составляли вы, – шепнула ему Медузия.

– Да? В самом деле? Вот досада! – сказал Сарданапал, когда закончил бормотать про рассеянность и столетний недосып.

Двенадцать тысяч морщинок профессора Клоппа так и залучились ехидством. Возникла неловкая пауза. Из затруднительного положения главу Тибидохса выручила Ягге, давно лукаво поглядывавшая на поле.

– А ну-ка! Дайте-ка сюда ленточку! Посмотрим, не забыла ли я, как к избушкам подходят, – вызвалась старушка.

Чело академика прояснилось.

– Ну что ж! – радостно произнес он. – Я думаю, мы можем пойти навстречу нашей заслуженной сотруднице. А, коллеги? Вы не против, Поклеп Поклепыч?

Завуч Тибидохса был «за». Обеими руками. Он уже начинал опасаться, что под избушку пошлют его.

Когда Ягге появилась на поле, Солонина Андреевна засуетилась, пытаясь взять у нее ленточку.

– Позволь уж я сама! Она у меня ндравная! Чужих не подпускает, по-русски почти не понимает! – сказала она.

– Да уж прям! А ну-ка, избушка! Иди сюда, хохлатка! – негромко велела Ягге.

Избушка послушно подбежала к ней, постукивая черепицей. Солонина Андреевна поджала губы.

– Вишь ты, поняла по-нашему! А говорила, не понимает! А ну-ка, милая, дай ножку! – снова велела Ягге.

Избушка неуклюже подняла когтистую лапу и, балансируя на другой, протянула ее Ягге. Старушка повязала ленточку и, похлопав избушку по голенастой ноге, отошла в сторону, победно глянув на Солонину Андреевну.

– Молодец, бабуся! Просто не верится!.. – восхитился Баб-Ягун. – А там что такое? Академик Сарданапал встает и поднимает руку с кольцом. Одно из двух: либо он хочет прогнать искрами гарпий, которые уже достали болельщиков своими истошными криками, либо собирается объявить джигитовку. В ближайшие секунды это станет ясно. Согласно правилам джигитовка проходит тремя группами. Первая группа – избушки и хаты. Вторая группа – чумы. Третья группа – Многоэтажка на бройлерных окорочках. Ой, мамочка моя бабуся, я едва не ослеп! Зачем Сарданапал выпускает такие яркие искры? Джигитовка начинается!

Избушки рванули с места, мгновенно взметнув в воздух тучу песка. Трибуны заволокло пылью. Больше всех досталось тем, кто сидел в первых рядах, – они оказались в центре пыльного смерча.

– Вот спасибо Ягуну! Надо же было подложить такую свинью! Три дня провозиться с перетяжками, чтобы глотать песок! – сказал Ванька, тщетно пытаясь различить хотя бы свои ноги.

– Шурасик! Сделай что-нибудь! – поворачиваясь, крикнула Таня.

На зубах у нее скрипел песок. А в памяти, как назло, не всплывало ничего, кроме совсем уж ненужного сейчас «Торопыгус угорелус».

– Бесполезно! По новым правилам вся серьезная магия на поле блокируется, – уныло отвечал голос из соседнего пыльного облака.

– А как же сглазы?

– Сглазы и запуки – это не магия. Это мелкое жульничество ничтожных завистников! – категорично заявил Шурасик.

– Ишь ты, как негодует! А сам позавчера Верку Попугаеву сглазил! Бедняга полчаса гонялась за Дусей Пупсиковой, возомнив себя бенгальским тигром. А что она орала! «Я тигр-пупсоед!» Надо же такое выдумать! – хмыкнула Гробыня.

– Пупсикова сама напросилась. Никто ее не просил накладывать на мою чернильницу плевательный запук! Она мне всю тетрадь по нежитеведению

испортила! – пожаловался Шурасик.

Лишь когда избушки отбежали на приличное расстояние, пыль наконец улеглась. Таня увидела, что избушки несутся с равномерным прискоком, похожим на танцевальный. На поворотах они притормаживали и хлопали дверями. Внезапно ставни крайней избушки распахнулись, и на подоконник забралась ревматически согнутая бабулька.

– Эхма! Елки-палки, лес густой, ехал парень холостой! – бойко крикнула она и, помахав зрителям, отважно полезла на крышу.

Зрители приветствовали ее дружными рукоплесканиями. Прискакивающая Избушка жестко вошла в поворот, накренившись на левую сторону.

– Опасный момент! Лукерья-в-голове-перья едва не слетает с крыши, однако ей чудом удастся удержаться. Уверен, она использовала свой уникальный зуб. Избушка вновь выходит на прямой отрезок, и Лукерья добирается-таки до трубы! Bravo! Первая из всех участниц! Недаром она так ждала джигитовки! Напоминаю, что по правилам состязания Лукерье предстоит еще протиснуться в избушку через трубу, растопить печь и, первой пожарив котлеты, угостить зрителей... Ха-ха! Неужели поверили про котлеты? Это я дразню моего приятеля Ваньку Валялкина, большого любителя котлет! А вот печь действительно растопить придется! Участница, сделавшая это первой, получит ленточку победительницы этапа! – Опасаясь пропустить что-то интересное, Баб-Ягун то и дело вскакивал с ногами на сиденье вышки и размахивал руками.

Таня с нетерпением дожидалась, пока избушки вновь окажутся на ближней к ней части стадиона, чтобы увидеть хоть что-то. Но тут вперед понеслись чумы на оленьих копытах, выступавшие отдельной группой, и все вновь скрылось в пыли.

«Как-то не получается у меня быть зрителем. Самой участвовать совсем другое дело!» – подумала Таня, вынужденная дышать через платок.

– Мелкие недоработки организаторов, конечно, не могут испортить удовольствия от зрелища! – надрывался с вышки Баб-Ягун, которому отлично все было видно. – Посмотрите, как ловко джигитует Матрена Большая! Правда, я предвижу, что спортсменке такой комплекции нелегко будет протиснуться в трубу!..

Солони́на Андре́евна ловко прыгает по черепице, цепляясь за выступы зонтиком. Недурно! Глашка-простоквашка, номер третий, применяет не менее изобретательный ход! Она забрасывает на крышу кошку, обвязанную веревкой. Перепуганная кошка забирается в трубу, и Глашке остается только закрепить веревку. Теперь она точно не сорвется...

Шурасик за спиной у Тани печально чихнул.

– Я даже блокнотика не вижу! – грустно сказал он.

– А ты вслепую пиши! – посоветовал ему Ванька.

– Я и пишу вслепую. Только бумага какая-то странная и строчка никак не кончается, – сказал Шурасик.

– Разуй глаза! Ты на моей спине пишешь! А я-то думаю – что такое по мне ползает?! – вдруг завопила Гробыня.

Шурасик затрясся и уронил карандашик.

Засидевшийся Баб-Ягун подпрыгнул на вышке.

– Ох, мамочка моя бабуса! Поклеп Поклепыч зеленым флажком дает старт Многоэтажке на бройлерных окорочках! Я сейчас оглохну! Какой кошмарный грохот! Стадион сотрясается. Зрители как спелые яблоки осыпаются со скамеек. Интересно, какие правила Сарданапал придумал для этой избушки? Неужели надо будет карабкаться на крышу? Сверзишься – точно костей не соберешь... О, я вижу, что для Многоэтажки пошли на незначительное изменение правил. Населяющие ее бабы-ёжки – а их внутри около двух десятков – бодро карабкаются по пожарной лестнице, помогая друг другу...

Многоэтажка, сотрясая стадион, переместилась на другой конец поля. Пыль улеглась. Снова стало можно дышать без платков.

– Склепова, а Склепова! – жалобно попросил Шурасик.

– Чего тебе? – огрызнулась Гробыня.

– Не вертись! Дай мне списать с твоей спины, что я раньше написал.

Гробыня молча вырвала у него из рук блокнот и швырнула его на поле.

– А чукотские чумы?! – умиленно воскликнул Баб-Ягун. – Никогда не предполагал, что можно так стремительно нестись на оленьих копытах! Вот только правила джигитовки на чумах сильно отличаются от избушечных. Кирпичной трубы-то у них нет! Хозяйкам чумов предстоит выбраться наружу и, обогнув чум, вновь оказаться у входа. Разумеется, чум при этом должен нестись вскачь!.. Лукерья-в-голове-перья уже довольно давно скрылась в трубе! Мне кажется, я вижу дымок! Да, так и есть – порой наружу даже вырываются искры. Ну и дела! Чем, интересно, она топит? Не засунула ли она в трубу дракона? В большом спорте всякое случается.

На этот раз атакующий сглаз был таким мощным, что не помогла даже защитная жилетка. Ягун слетел с комментаторской вышки и пропахал носом песок. Оскорбленная Лукерья-в-голове-перья гневно захлопнула ставни.

Пока Баб-Ягун отряхивался и вновь забирался на вышку, судьи закончили распределять баллы за второй этап. Призовую ленточку получила Лукерья-в-голове-перья. Второе место досталось Солонине Андреевне. Третье разделили Глашка-простоквашка и хозяйка одного из чукотских чумов. Многоэтажка на бройлерных окорочках, не удержавшись, пнула случайно выбежавшего на поле циклопа и была снята с этапа.

Тем временем команда домовых и десятков джиннов-драконюхов пытались извлечь из трубы застрявшую Матрену Большую. Толстуха охала и проклинала тех, по чьей милости полезла в трубу.

– Я прям зверею! Нет чтоб разобраться, а потом уже сглазами швырять! – возмутился Баб-Ягун, вновь угнездившись на вышке. – Ладно, кто старое помянет!.. Зато я успел вовремя! Вот-вот начнется третий этап – полоса препятствий! Ограничение на серьезную магию временно снято. Джинны и уцелевшие шаманы носятся по полю, создавая искусственные заграждения. Первая преграда, которую предстоит преодолеть участникам, – глубокий ров. Сразу за рвом – искусственный бурелом. И наконец, непролазное болото, которое можно перейти исключительно по скрытым под водой кочкам. По заверениям знатоков, подобные препятствия избушкам приходится преодолевать

в естественных условиях во время продолжительных лесных странствий в поисках червяков...

– Ягун! Что за чушь! Рупора лишу! – возмутился Сарданапал.

Ягун опасливо прикрыл рупор ладонью:

– Беру свои слова обратно! Червяков они не клюют! А по лесу шатаются так, из спортивного интереса! Но, академик, стоит ли придирается к таким мелочам? Это угнетает мое художественное воображение!

– По-моему, Ягун того... заговаривается! – недовольно сказала Гробыня.

Шурасик согласно закивал. С тех пор как у него отобрали и выбросили блокнотик, он был озлоблен на весь мир.

– А ты как хотела? Избушечьи гонки – это тебе не драконбол, в котором каждый разбирается! Мы бы с тобой вообще двух слов не связали, а он вон как! Не замолкает! – заступилась за Ягуна Таня.

Баб-Ягун точно не замолкал ни на миг, работая как настоящий словесный пулемет:

– Сарданапал выпускает стартовую искру! Избушки, чумы и Многоэтажка бросаются вперед, распугивая арбитров и циклопов! Вот она – кульминация состязания! Тесня друг друга, сталкиваясь деревянными боками, избушки приближаются к первому препятствию. Первой в ров прыгает избушка Матрены Меньшой. У нее на хвосте буквально висит Лукерья-в-голове-перья! За ней, почти не отставая, загребают лапами избушка Солонины Андреевны. Один из чумов вынужденно сходит с дистанции – олени копыта отказываются лезть в воду и останавливаются на берегу. Оно и верно: мыться – только счастье смывать!

– Первая глубокая мысль, которую я от него услышал! Не правда ли, дорогая, очень верное рассуждение? Может, и тебе не сидеть все время в воде? – улыбаясь, заметил Поклеп Поклепыч, пытаясь приобнять русалку за талию.

– Уйди, постылый! – взвизгнула русалка и игриво хлестнула завуча хвостом по пальцам.

– Борьба обостряется! – надрывался Ягун. – Кто первым доберется до противоположного берега? Что это за буря? Ничего не понимаю! Ах, это же Многоэтажка прыгнула в ров и теперь форсирует преграду. Она шлепает прямо по дну: вода едва достает ей до колен. Ров выступает из берегов! Какие брызги! Даже мне перепало! Как же не повезло тем, кто сидит в первых рядах! Они, должно быть, сейчас мокрее лягушек!

– Еще насмехается, лопаухий! Ничего, после гонок он у меня дождется! Можно подумать, не он нас сюда засунул! – раздраженно сказал Ванька.

Его желтая майка прилипла к телу. С волос текло. В ботинках хлюпало. Тане досталось ничуть не меньше, но она, утешая себя, пыталась посмотреть на ситуацию с другой точки зрения.

– Ничего, Ванька! Не все так плохо! Зато пыли теперь нет! – утешила она Валялкина.

Гробыня, разбиравшая избушечью родословную и обливавшая Многоэтажку словесной грязью до куриных прабабушек включительно, поперхнулась от возмущения.

– Матрена Меньшая и Солонина Андреевна первыми добираются до бурелома. Избушка Матрены Меньшой пытается перепрыгнуть препятствие с разбегу и переворачивается. Несчастливая избушка! Она лежит кверху лапами и жалобно дрыгает ими, пытаясь за что-нибудь зацепиться. Интересно, как там Матрена? Сумеет ли выбраться сама или понадобится помощь джиннов?.. Как-то для Матрен сегодня день не складывается, я бы сказал... Голенастенькая избушка Солонины Андреевны проявляет больше смекалки. Она карабкается прямо по бревнам, вцепляясь когтями в кору. Отличный маневр!.. Избушка Азы Нафталиновны обгоняет Лукерью-в-голове-перья! Разгоняется! Неужели тоже решится на прыжок? Это безумие! Неужели неудача Матрены Меньшой ничему ее не научила?.. Отличный прыжок – лучший из всех, что я видел! В самый последний момент из слуховых окон на крыше избушки выдвигаются короткие крылья. Избушка взмахнет ими и, как взлетающая на забор несущка, справляется с препятствием!

– Недурно! Солонину Андреевну обогнали!.. Посмотри-ка на Ягге! Как она на эти избушки уставилась – а ведь тоже мокрая с головы до ног! – восхищенно сказал Ванька.

Настроение у него улучшалось на глазах. Достав из кармана холодную котлету, он тщательно осмотрел ее, снял прилипшую нитку от скатерти-самобранки и съел. Баб-Ягун не ошибся – Ванька обожал котлеты. Впрочем, его увечная самобранка больше ничего, кроме котлет и огурцов, не выдавала, так что ничего другого ему не оставалось.

– Жирное есть вредно! – поморщившись, заметил Шурасик.

– Много говорить еще вреднее. Горло просквозит – и помрешь, – сказал Ванька и полез в карман за следующей котлетой, которую уже успела приготовить ему самобранка.

– Ох, мамочка моя бабуса! Вот это да! Многоэтажка не тратит время на прыжок! Разогнавшись на бройлерных окорочках, она сносит бурелом, раскидав бревна как спички! Воспользовавшись этим, в брешь немедленно бросаются чумы и украинские хаты. Теперь от победы Многоэтажку отделяет только болото и две избушки – Солонины Андреевны и Азы Нафталиновны! Лукерья-в-голове-перья тоже еще надеется на победу. Кажется, ее избушка выбрала новую тактику! Она собирается пропустить вперед Многоэтажку, используя ее как живой таран, и обойти ее уже перед финишем! Клянусь ее костяной ногой, это правильная тактика! Порой я сам применял ее в драконболе!

– Ага! С Горьяновым по-другому нельзя. Он всех подряд сносит. И своих, и чужих, – подтвердила Таня.

Она невольно вспомнила последний матч с невидимками. Соловей О. Разбойник на вчерашней тренировке говорил, что два года уже почти истекли. Новый матч с невидимками, которые так и остались чемпионами, может состояться уже этой осенью, если Магщество Продрыглых Магций не изобретет новых уловок.

«А раз так, то нужно вкалывать, вкалывать и еще раз вкалывать! Чтоб даже ночью у вас драконы перед глазами мелькали! У Тибидохса впервые за двести лет сложилась профессиональная команда, и надо не упустить случая!» – так закончил Соловей свою речь.

– Избушка Солонины Андреевны замирает на краю болота, тщательно нашаривая ногой кочки. За ней шаг за шагом продвигается избушка Азы Нафталиновны! Ого, что выдумала Аза Нафталиновна! Она выбирается на крышу и шестом пробует дно! Солонина Андреевна из окна показывает ей язык! Аза Нафталиновна отвечает ей прицельным плевком! Какое неспортивное поведение!.. Голенастенькая избушка уже на середине топи и скоро должна выбраться на берег... К берегу топи, запыхавшись, подбегает Многоэтажка. В каждом ее окне возбужденно прыгает по бабе-ёжке, и каждая дает советы. Бедные бройлерные мозги! Справятся ли они с таким объемом информации? Многоэтажка некоторое время задумчиво топчется на месте и начинает пятиться, беря разбег. Прыжок! Во все стороны летит тина! Теперь уже обтекает весь стадион! Даже академик Сарданапал утирается своим знаменитым платком с созвездиями Млечного Пути. Говорят, когда академик в него чихает, во всех лопуховидных телескопах появляются потоки метеоритов...

– ЯГУН!

– А что я такого сказал?.. Это всего лишь непроверенные слухи! Ого! Болото оказалось глубже, чем предполагала Многоэтажка! Она проваливается в жижу на глубину бройлерных окорочков и погружается этаж за этажом. Бабы-ёжки в панике лезут на крышу по пожарным лестницам. Интересно, чем все это закончится?.. Ага, провалившись почти по самую крышу, Многоэтажка все же нашаривает дно, отталкивается и начинает выгребать! Браво! Избушка Лукерья-в-голове-перья прыгает за ней следом. Существенно обмелевшее болото уже не скрывает кочек. Ой, как неосторожно! Одна украинская хата, две избушки и два чума все же ухитряются застрять в болоте и прошляпить свою удачу! Остальные выбирают на берег и мчатся к финишу! Кто успеет первым? Впереди всех избушка Солонины Андреевны! За ней, сильно отставая, спешит облепленная тиной избушка Азы Нафталиновны, которую по пятам преследуют Лукерья-в-голове-перья и Многоэтажка на бройлерных окорочках. Последней плетется избушка Матрены Большой.

– Еще бы ей не плестись! Матрена Большая – это же полторы тети Нинели! – задумчиво заметила Таня.

– А три тети Нинели – это один слон, – уточняюще добавил Ванька, как-то видевший тетю Нинель на фото.

Ягун приподнялся на цыпочки:

– Финиш все ближе! Еще немного, и избушка Солонины Андреевны достигнет финишной черты!.. Эй, бабуся, ты чего? Что ты забыла на поле? Задержите ее кто-нибудь, а то затопчут!

К Ягге, растопырив руки, метнулись два циклопа, но старушка цыкнула зубом, сурово зыркнула на них, и циклопы отвяли. Ягге выбежала на поле и остановилась чуть правее финишной черты.

– Сашка-неряшка! А ну узнай меня! – свистнув не хуже Лукерьи, громко крикнула она.

– Ой, мамочка моя бабуся! Я, наверное, спятил! – пораженно затараторил ее внук. – Избушка Солонины Андреевны замирает у финишной черты, не переступив ее. Со скрипом поворачивается к моей бабуся! Солонина Андреевна колотит ее зонтиком, но избушка не слушается. Она подбегает к Ягге, на ходу теряя черепицу. Хозяйка, не ожидавшая такого фортея, вываливается в окно, чудом зацепившись зонтиком за подоконник.

– Сашка-неряшка! Встань по-старому, как мать поставила! – негромко приказала Ягге.

Избушка остановилась. Зеленая черепица окончательно осыпалась. Под ней обнаружилась растрепанная крыша из соломы и хвороста, с грачиными гнездами у трубы. Солонина Андреевна сидела на песке, машинально держа над головой открывшийся зонтик.

Ягге, красная и негодующая, надвинулась на нее:

– Ну что, свекла иностранная, одурачила ты меня? Ишь ты, селедка, крышу переложила! Крыльцо перекрасила! И не стыдно тебе, бесстыжая?! Думала, я свою избушку по ногам не узнаю! Она и цыпленком-то была голенастенькая!

– Вы с ума сошли! Это наглый захват собственности! Такое может быть только в России! У меня гражданство Антарктиды! Магщество Продрыглых Магций этого так не оставит! – пискнула Солонина Андреевна.

– Вот оно как, и Магщество приплела! Оно и верно, вали все в одну кучу! Да мы сейчас избушку спросим, чья она. А ну-ка, Сашка-неряшка, скажи, кто твоя хозяйка!

– Избушки не разговаривают! Ты ничего не докажешь! – возразила Солонина Андреевна, с тревогой наблюдая, как избушка, из которой она только что вывалилась, начинает пятиться.

– А вот мы сейчас увидим! – подбоченясь, пообещала Ягге.

Пораженный Баб-Ягун больше всего боялся что-то пропустить.

– Не знаю, что задумала моя бабуса, но голенастенькая избушка явно собирается пробить штрафной. Она отбегает на пару десятков метров, несется вперед, и... Удар! Го-о-ол! Солонина Андреевна проносится над трибунами и исчезает в чаще, сопровождаемая целой стаей гарпий. Теперь понятно, за кого болели эти воню... и-и... экзотически пахнущие особы! Моя бабуса ловко вскакивает на крыльцо и что-то кричит избушке!.. Избушка стремительно бросается вперед и переступает финишную черту за мгновение до Азы Нафталиновны и Лукерьи-в-голове-перья!.. ПОБЕДА! Все, я больше не могу, сами комментируйте! Я бегу к ним!

Ягун спрыгнул с вышки. В ту же секунду к финишу подоспела Многоэтажка на бройлерных окорочках, и все заволокло пылью. Когда же наконец пыль улеглась, все увидели, что посреди поля стоят Ягге и Баб-Ягун и ласково обнимают за куриные ноги свою вновь обретенную избушку...

На поле с радостными воплями высыпали болельщики. Циклопы, выстроившись цепью, попытались было не пустить их, но были буквально сметены Усыней, Дубыней и Горыней, которым захотелось смагографироваться на фоне избушек.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса, не скупясь на комплименты, наградил победителей. Ягге с ее избушкой достался сияющий медный самовар. Аза Нафталиновна и Лукерья-в-голове-перья получили одна скатерть-самобранку, другая – новую ступу и метлу.

– Отличная метла! А сама красавица-то хоть куда! Просто хоть к Пупперу в команду! – молодецки подмигнул Соловей О. Разбойник, вручая ее Лукерье.

Старуха осмотрела метлу, ковырнула желтым, крепким, как панцирь черепахи, ногтем край ступы и осталась довольна.

– Что к Пупперу! Мы и сами не хуже Пупперов! – проскрипела она.

– Тарахах, Поклеп, Зуби! Что же вы стоите? Просите всех бабулек к столу! Медузия, по такому случаю и стаканчик не грех пропустить, а? Вы с нами, профессор Клопп? Как ваша магическая блокировка, не препятствует? – спросил академик.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса развил бурную деятельность. Кончик его носа прочувствованно пылал. Усы дирижировали сводным оркестром циклопов. Мочки ушей мигали как семафоры. Пушистая борода то исчезала, то вновь проявлялась.

Медузия вздохнула. Она слишком хорошо понимала, что это означает. Она опасливо покосилась на Клоппа, уверенная, что встретит его осуждающий взгляд, и... вздохнула уже с облегчением.

Скулы профессора Клоппа обволокло нежным девичьим румянцем. Ярким помидором вспыхнул подбородок.

– Пожалуй, можно дернуть по один-два стаканчик! Я думать, в порядок исключений мне не надо отрываться от коллективф! – сказал он.

* * *

Оставив избушки во дворе, бабы-ёжки и хозяева повалили в Зал Двух Стихий. Воздух там звенел от ударов сотен крыльев. Над скатертями-самобранками зависли купидончики и торопливо набивали колчаны и рты шоколадными конфетами и пирожными, приготовленными для гостей.

– А ну кыш! Брысь! Вот я вас! – хлопая в ладоши, с хохотом закричал академик.

Увидев Сарданапала, крылатые младенцы прыснули в разные стороны, не забыв уронить на нос профессору Клоппу блюдо с пряниками.

Пирушка вышла бурной и веселой. Скатерти-самобранки едва успевали поставлять новые кушанья. Ребята трескали пироги с капустой и яблочным джемом, запивая колким ситро. Когда его было выпито столько, что оно уже ударяло в нос, Медузия великодушно махнула рукой и превратила ситро в горячий шоколад. Причем это был именно горячий шоколад, а не жалкое детское какао – нелепое изобретение лопухоидов.

Таня, Ванька и Баб-Ягун были довольны. Не так давно им удалось наложить на речечную скатерть столетний сглаз – такой капитальный, что от всех ее кушаний на сто метров несло помоями. Сарданапал некоторое время упорно утверждал, что редька хороша в любом виде, но брезгливая Зубодериха и Медузия изъяли скатерть из обихода и спрятали ее на сто лет, пока не истечет срок сглаза. Так что теперь их стол, как и прежде, участвовал в ежедневных битвах-лотереях за шоколадную, блинную, пончиковую и другие приличные скатерти.

Трудновоспитуемые ученики Тибидохса пили шоколад и с интересом поглядывали на преподавательский стол, где хозяева и гости уже пели русские народные песни. Особенно отличались Лукерья-в-голове-перья и Матрена Большая. Ей высоким грудным голосом вторила – вы не поверите! – сама Великая Зуби. Когда она пропела «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться? Я б тогда не стала гнуться и качаться», на глаза у Поклеп Поклепыча навернулись слезы. Тема неразделенной любви была ему особенно близка.

А под конец пирушки произошло почти чудо. Профессор Клопп разошелся настолько, что сплясал тирольский танец и, вместо «Оп-ля!» крикнув «Сопляй!», прошелся по залу на руках.

Ученики были поражены. Лучше всех общую мысль выразила Рита Шито-Крыто. Вначале она долго вглядывалась в преподавателей, а затем, недоверчиво покачивая головой, произнесла:

– Да, преподы тоже люди! Кто бы мог подумать?

Баб-Ягун тронул Таню за плечо.

– Тань, тебя вон с того стола зовут! – сказал он.

– Меня? Кто? – удивилась Таня.

Она подняла голову и увидела, что ее манит к себе Лукерья-в-голове-перья. Она встала и, на всякий случай улыбаясь, подошла к старухе.

– Ишь ты, смуглая какая! Феофил Гроттер-то не твой ли будет дед? – спросила Лукерья.

– Мой.

– Как же, знавала я старика... Всем молодцам был молодец, да только вот характер был треснуть какой паршивый!

– *Faber est suae quisque fortunae!*[1 - Каждый сам кузнец своей судьбы (лат.).] – полыхнув искрой, сказало кольцо.

Лукерья-в-голове-перья расхохоталась. Единственный желтый зуб запрыгал у нее во рту, оказываясь в самых невероятных местах: то сверху, то снизу, то вовсе пропадая где-то под крючковатым носом.

– Узнаю милого по походке, а старого скрипуна по перстеньку да по латыни... – сказала старуха. – Так, значит, ты Таня? Наслышана я о твоих подвигах. Учиться-то успеваешь?

– Успеваю, – кивнула Таня.

Ее всегда ужасно раздражали вопросы про учебу. И не потому, что она училась плохо. Как раз совсем неплохо. Просто в этом вопросе была какая-то дежурность. Тане казалось, его задают от незнания, что еще можно спросить у подростка, и ответ на него забывают через пять минут. Она обещала себе, что, когда ее совсем достанут, она тоже будет спрашивать у взрослых: «Работать успеваете?» – «Да!» – «Продолжайте в том же боевом духе!»

– Без родителей-то тяжко, чай? – спросила Лукерья.

– Лучше не бывает! – с вызовом сказала Таня.

Быть сиротой вдвойне тяжело. Мало того что ты лишен самых близких тебе людей, еще и вынужден отвечать на idiotские вопросы и выслушивать притворные сочувствия.

Старуха проницательно взглянула на нее.

– Ишь ты, гордая! Оно и верно, нечего перед всяким душу открывать. Только ты ее откроешь, душу свою, а тебе туды – раз и тьфу! Обидно! Уж я-то знаю, об чем говорю, – одобрительно сказала Лукерья.

Она вытащила деревянную табакерку с портретом какого-то старика (на миг у Тани мелькнула мысль: а вдруг это Древнир?) и открыла ее. Из табакерки выскочил крошечный черный кот и, на бегу увеличиваясь, помчался дразнить Сарданапалова золотого сфинкса, который был слишком велик и под стол никак не пролезал.

Лукерья-в-голове-перья понюхала табак:

– Не думай, Танька, что я тебя просто так позвала, чтоб в ране твоей пальцем своим заскорузлым поковыряться. Хочу я тебе подарок сделать. Чай, не часто ты подарки получаешь. На-ка вот! Они тебе еще сгодятся! – Старуха не выбрасывала искр, не произносила заклинаний, да только вдруг сами собой в руках у нее оказались полотенце и деревянный гребень.

– Не надо, я не возьму, – помотала головой Таня.

– Бери, не отказывайся! Чай, не ворованное дарю, свое! – велела Лукерья.

Пока Таня сомневалась, стоит ли ей принимать подарки, золотой сфинкс Сарданапала зарычал и прыгнул на кота. Стол, за которым сидели Жикин, Попугаева, Лиза Зализина и несколько магов-первогодков, опрокинулся. Выскочивший из-под него кот бросился к Лукерье. За ним по пятам, пылая от ярости, мчался сфинкс.

Лукерья-в-голове-перья притопнула костяной ногой. Кот, уменьшаясь на бегу, прыгнул к ней в табакерку и исчез. Повторно одураченный сфинкс проехал лапами по плитам и ретировался ни с чем. Пока пораженная Таня приходила

в себя, старушка сунула ей в руки гребень и полотенце, захлопнула табакерку и неторопливо отошла.

Не успела Таня вернуться к Ваньке и Баб-Ягуну, к ней, запыхавшись, подскочила озабоченная Ягге.

– О чем с тобой Лукерья-в-голове-перья говорила? – зашептала она.

– Да ни о чем. Вначале о деде моем, потом полотенце и гребень подарила. А что, не надо было брать?

Ягге вздохнула. Тане показалось, что с облегчением.

– Да почему ж не надо? Недаром люди говорят: дают – бери, бьют – беги. Лукерья-то старуха не злая, вот только вещунья. Окромя нее таких вещуний в мире уж и не осталось. Как скажет, так и сбудется. Не вдоль, не поперек, а в самую сердцевину словом попадет! Ничего она тебе не говорила? Вспомни!

Таня честно задумалась.

– Да нет, вроде ничего такого... Ягге, а как она колдует без кольца, без заклинаний?

– А так и колдует. Все настоящие ведьмы только так и колдуют, из сердца... Кольцо-то да палочка волшебная, чай, для дураков делались. Где им, дуракам, сотни лет сердце развивать да доброту в себе копить – взяли палку, кольцо нацепили да пошли дрова ломать... Коли Лукерья тебе ничего не сказала, знать, оно к лучшему, – проговорила Ягге и отошла.

А у Тани в памяти, как всегда с опозданием, всплыли слова ведьмы. «Они тебе еще сгодятся!» – произнесла Лукерья, протягивая ей гребень и полотенце. Да только стоит ли считать это предсказанием? Может, старуха только хотела сказать, что гребнем она будет расчесывать волосы, да и полотенце тоже пригодится?

И не странной ли была история с котом, на которого сфинкс напал именно в ту минуту, когда она уже отказалась от подарка? Вот и ломай голову. Не жизнь,

а сплошные загадки.

* * *

Вечером, когда довольные бабы-ёжки разъехались, во двор школы волшебников вышел Тарарах. Некоторое время питекантроп, покачиваясь, стоял посреди двора и двусмысленно щурился на луну, а потом, обращаясь к Большой Башне, потребовал:

– Тибидохс, Тибидохс, встань к лесу задом, ко мне передом!..

Каменная громада осталась неподвижной, однако впечатлительному Тарараху почудилось, что своды башни презрительно дрогнули, а тонкий, издали похожий на сломанную дужку от очков шпиль на крыше раздвоился.

– Эх ты! Какая ты после этого избушка! Ты ж целый избенций! – укоризненно сказал преподаватель ветеринарной магии и удалился, сильно кренясь назад.

Глава 4

Бешеное родео

Герман Дурнев выглянул в окно и передернулся от омерзения. Природа пребывала в полуденном мажоре и благоденствии. В воздухе кружился тополиный пух. По липким толевым крышам гаражей прогуливались голуби. Любого другого такое зрелище умилило бы, но самый добрый депутат не ощутил ничего, кроме сильнейшего раздражения. Последние дни яркий солнечный свет почему-то вызывал у него резь в глазах. Даже по коридорам Думы он ходил в темных очках, как скрывающийся мафиозо.

Справа от самого доброго депутата кто-то деликатно кашлянул. Дурнев опустил шторы. Супруга, одетая в безразмерный халат отошедшей от дел гейши, держала в руках подносик.

– Германчик, твои кружевные носочки и носовой платочек в красную клеточку! – доложила она.

Дурнев скривился и метко пнул поднос.

– Сколько раз тебе говорить, что я больше не ношу кружевных носочков!!! Мне нужны черные кожаные брюки и хлыст! – рявкнул он.

– Герман, дорогуша, но в Думу тебя с хлыстом не пустят! А в кожаных брюках и подавно! – мягко возразила супруга.

Поняв, что жена права, Дурнев сдулся как воздушный шарик и послушно надел кружевные носочки.

– Ты права, Нинель. Совершенно невозможно стало заниматься политикой. Представь, какой-то умник сделал в Думе поручни из осины. Я посадил себе занозу, так ранка уже вторую неделю не заживает! – недовольно сказал он.

– Кошмар, просто кошмар! – сочувственно закивала супруга.

Примерно через полчаса Дурнев, почти насильно облаченный во вполне приличный мышиного цвета костюм, собрался в Думу. Запечатлев на бледном лобике супруга контрольный поцелуй, жена с облегчением выпроводила его из квартиры. Удрученно качая головой, она отправилась на кухню. Именно там, среди копченых индеек, ананасов и бумажных пакетиков с пончиками, протекала значительная часть ее жизни.

Став почетным председателем В.А.М.П.И.Р., Герман Дурнев резко преобразился. В изгибе его спины появилось нечто царственное. Его зеленое лицо приобрело королевскую брюзгливость. Порой вечерами он застывал перед зеркалом и, выдвинув зубы – теперь он мог это делать по желанию, – провозглашал:

– Трепещите все! Я король вампиров! Наследник моего пращура!

Как-то Пипа неосторожно хмыкнула:

– Пап, да какой ты вампир! У тебя даже на томатный сок аллергия! Интересно, те умники из Трансильвании об этом знают?

Папаша так взбесился, что первый раз в жизни накричал на дочь и даже бросил в нее подушкой.

Такса Полтора Километра надрывно завывала из-под дивана. Из своего убежища она не вылезала уже несколько дней. Такой сдвиг в психике случился с ней после того, как самый добрый депутат попытался укунить ее за лапу. Он был не виноват. Виновато было полнолуние.

Одна супруга относилась к причудам мужа вполне спокойно. После кролика Сюсюкалки она на всю жизнь приобрела иммунитет ко всем выкрутасам своего преуспевающего мужа.

Но вернемся к тому злополучному утру. Не успела Нинель съесть восьмой пончик и поставить в духовку очередную сверхполезную индейку, как в дверь неожиданно постучали.

В сущности, это было бы не так уж и странно, не будь это дверь в лоджию. Мадам некоторое время лихорадочно соображала, не спрятаться ли ей под стол, но потом, вооружившись топориком для разделки мяса, прокралась в комнату.

«Опять эта Танька Гроттер! Вечно на ее лоджии невесть что творится!» – негодующе подумала она.

Стук в дверь повторился. Осторожно выглянув через стекло, Дурнева увидела на лоджии огромные кожаные сапоги со шпорами, которые, подсакивая, раздраженно пинали дверь. Рядом с сапогами лежала шпага в ножнах и небольшая металлическая корона, больше напоминавшая обруч.

«Ага, это же регалии Германа! Эти психи из Трансильвании все-таки их ему прислали! Надо куда-нибудь спрятать эти штуки, пока Герман окончательно не свихнулся!» – решила она.

Высунувшись на лоджию, Нинель схватила сапоги, шпагу и корону и, разглядывая их, вернулась в комнату. Такса Полтора Километра вновь завывала

из-под дивана. На этот раз вой ее был особенно надрывным и душераздирающим.

«А сапожки-то ничего! Стиль есть! И размер как будто мой!» – мечтательно подумала мадам, осторожно трогая пальцем звякающее колесико на шпорах.

Корона и шпага заинтересовали ее куда меньше. На них были следы ржавчины, и поэтому Дурнева брезгливо несла их на расстоянии вытянутой руки.

«В комиссионку, что ли, отволочь эти железки? Да только что там дадут за такой хлам? Пускай уж остаются!» – подумала супруга самого доброго депутата, пряча новообетенные регалии в нижнее отделение шкафа-купе. Там у нее хранились всякие хозяйственные тряпки и бытовая химия. Это было единственное место в доме, куда муж с его вечными аллергиями никогда не совал свой нос.

Мадам уже вышла в коридор, когда внезапно шкаф-купе заходил ходуном, сотрясая пол и стены. В соседней квартире у генерала Котлеткина с антресоли упал танковый шлем. Алое зарево залило комнату.

Однако длилось это всего несколько мгновений. Шкаф перестал вздрагивать. Зарево померкло.

Нинель Дурнева ничего не заметила. Повинуясь зову сердца, она повлеклась душой и телом на кухню, жадно втягивая ноздрями воздух. В духовке, разбросав пупырчатые крылышки, точно стареющая красавица в солярии, подрумянивалась индейка.

Ах, тетя Нинель, тетя Нинель! Будь у вас хоть на пять копеек ума и интуиции, вы ни за что не оставили бы шпагу, корону и сапоги у себя в доме. Избавились бы от них, уничтожили, бросили бы в топку в котельной! Ах, тетя Нинель, хоть бы не на пять – хоть бы на копейку вам ума! Но чего нет, того нет...

* * *

В один из июньских вечеров Таня, Ванька Валялкин и Баб-Ягун сидели в общей гостиной и удрученно разглядывали треснувший малахит. Возле малахита, дебильно хихикая, витал только что вылупившийся дух всеведения.

– Говорил я тебе: не передержи его на морозе! Не надо было камень в подвал засовывать! – удрученно сказал Ванька.

– При чем тут подвал? Разве нам не нужен был холод? Просто Танька его не теми слезами полила! – оправдываясь, заявил Баб-Ягун.

– Как не теми?! Разве Гоярын уже не дракон? – возмутилась Таня.

Она обожала Гоярына и бывала у него почти каждый день. Страшный тибидохский дракон так привык к ней, что позволял карабкаться ему на спину. Когда она гладила его по носу, он довольно скрипел. Рядом с Гоярыном Таня ощущала себя так же спокойно и уверенно, как некогда в раннем детстве в футляре контрабаса.

– Дракон-то он дракон, никто не спорит, но старый. Говорил я, у Ртутного надо слезы брать, – сказал Баб-Ягун.

– Вот сам бы и взял у Ртутного. Кто тебе мешал? Пустой баночки не нашел? – хмыкнул Ванька.

Ягун погрозил Ваньке кулаком.

– А ты помалкивай, маечник! – огрызнулся он. – Мне никто не мешал. Мне сам Ртутный мешал... Не стал бы он рыдать в баночку, хоть ты тресни. К нему и на десять метров не подойдешь...

Друзья потому и переругивались, что знали: эта попытка заручиться поддержкой духа всеведения была для них последней. Даже сделай они сейчас все правильно, новый дух вылупился бы не раньше чем через три недели, когда от него не было бы уже никакого толку.

Время вышло. Экзамены, хотя о них ужасно не хотелось думать, надвигались со скоростью курьерского поезда. Перед экзаменами Таня всякий раз испытывала неприятное чувство, что она совершенно ничего не знает. Ванька утверждал, что это все из-за Поклепа, который якобы для того, чтобы все лучше занимались, напускает на школу предэкзаменационную тряску.

Шурасик сидел в углу у печки и сосредоточенно листал «Самоучитель магической самообороны. Запуки, заговоры, подсечки. Групповые бои с духами и нежитью. Советы для слабонервных».

– Нападите на меня кто-нибудь, а, люди? Почему на меня никто не нападает? Мне ужасно хочется испытать заклинание размазывания по стене «Шлепкус всмяткус капиталис»! Или хоть кувалдой пусть кто-нибудь огреет – тошно мне! – ныл он.

– С чего это тебе тошно? – заинтересовался Ванька Валялкин.

– Как с чего? Разве ты не знаешь? Меня освободили от экзаменов! – плаксиво пожаловался Шурасик.

Баб-Ягун испытующе уставился на него, пытаясь понять, придуривается Шурасик или для него это в самом деле плохая новость.

– В самом деле? Просто звери какие-то! Ты, брат, крепись! Высшая школа трудновоспитуемых волшебников – это тебе не курорт! Здесь издавна практикуются самые жуткие пытки! – посочувствовал он.

Шурасик вскочил. В его глазах запылал ботанический огонь.

– Они сказали, что я хорошо отвечал на уроках! А я знаю, что плохо отвечал! Сам подумай, Ягун: из тысячи билетов я твердо знаю только девятьсот девяносто шесть! – крикнул он и, схватив Баб-Ягуна за шиворот, принялся его трясти.

– Кошмар! И держат же в Тибидохсе таких тупиц! Нам с Гломовым за тебя совестно! – сказал Баб-Ягун.

Он мотался из стороны в сторону, тщетно стараясь освободиться. В возбуждении subtilный Шурасик обретал силу и цепкость упыря.

– Я тебя задушу, везунчик! Это несправедливо! Почему ты будешь сдавать экзамены, а я нет? Не хочу на каникулы на месяц раньше! Пусть меня лучше бросят за Жуткие Ворота! – визжал Шурасик, стискивая пальцы на шее у Ягуна.

Ягун захрипел. Пора было спешить к нему на помощь.

– Парус спускалус! – шепнул Ванька Валялкин, выпуская зеленую искру, скользнувшую в ухо к Шурасику.

Шурасик обмяк. Его перенесли на диван и накрыли журналом «Сплетни и бредни», который забыла на столе Рита Шито-Крыто. Журнал убаюкивающе зашелестел страницами. Изредка из него выпадали бредни, похожие на больших насекомых с человеческими лицами, и порскали по углам. Некоторые старались забиться Шурасику в уши. Отличник в забытьи начинал блаженно хихикать.

– Это пойдет ему на пользу! После «Сплетней и бредней» многие умняшки становились нормальными. С некоторыми даже можно было разговаривать, – сказал Ванька.

– В самом деле? Как-то мне не верится! – покачала головой Таня.

– Это я тебе говорю! – заспорил Ванька.

– Посмотри на обложку! – кивнула Таня.

У них на глазах пестрый журнальчик «Сплетни и бредни» превращался в строго оформленный «Вестник высшей магии». Насекомые с человеческими лицами вставляли на задние лапки и принимали облик крошечных профессоров-звездочеев. Каждый из них с чувством собственного достоинства нес флажок. На флажках мелькали надписи:

Как определить судьбу по трем тысячам звезд и банке говяжьих консервов.

Двенадцать формул магического заикания.

Превращение хоббитов в лопухоидов. Туда, сюда, обратно.

Волшебные бороды. Методы стрижки. Формы прически.

Выкладки графиков затухания магических искр в различных климатических зонах.

– Ну вот, все оглавление разбежалось! И как только Шурасик ухитрился превратить один журнал в другой? – удивилась Таня. – Зато теперь понятно, почему он все время хихикал!

– Нет, Шурасик неисправим! Надо смываться, пока он не пришел в себя, – вздохнул Ванька.

Они уже уходили, прихватив с собой треснувший малахит, чтобы не оставить зоркому Поклепу никаких улик, когда Шурасик, еще в полусне, приподнялся на диване и крикнул:

– Шлепкус всмяткус капиталис!

Его перстень выбросил красную искру. Друзья торопливо пригнулись. Все еще расслабленный после «Паруса спускалуса», Шурасик чего-то не рассчитал. Его диван неторопливо поднялся в воздух, разогнулся и, в последнюю секунду повернувшись боком, впечатал в стену самого Шурасика. Тряся головой, отличник выглянул из-за перевернувшегося дивана. Его глаза постепенно становились осмысленными.

– Акела промахнулся! – сочувственно сказал Баб-Ягун.

– Сейчас промахнулся – через пять минут попадет. Он настырный, – проговорила Таня.

Избегая встречи с Шурасиком, они нырнули в коридор, в котором располагались комнаты черного отделения. Добежав до конца коридора, друзья скользнули за угол и прислушались. Шурасик за ними не гнался. Должно быть, еще не отлип от стены.

Неожиданно Ванька Валялкин замер в охотничьей стойке, точно сеттер, почуявший дичь.

– Никто ничего не слышал? – спросил он.

– Я – ничего, – сказала Таня.

– И я ничего. Может, у тебя снова глюки? Помнишь, Медузия их на тебя напустила, когда ты сорвал ей опыты? – напомнил Ягун.

Глюки были маленькие занудливые человечки с музыкальными дарованиями. Ванька едва отделался от этих дотошных невидимок.

Он замотал головой:

– Не-а, не глюки. Тут что-то другое!

Вдруг ближайшая к ним дверь затряслась, точно в нее изнутри бедовой головой билась Нервная Дрожь, одна из сумасшедших полтергейстических Тибидохсов, кстати, тайно влюбленная в Поручика Ржевского. Дружья невольно придвинулись друг к другу.

– Ну, что я говорил! У кого глюки? – торжествующе воскликнул Ванька.

– У всех глюки. Они обычно толпами шастают, – философски заметила Таня.

Ванька приложил ухо к двери, пытаясь понять, что происходит с другой стороны.

– Это комната Горьянова. А если с ним что-то случилось? – спросил он.

Баб-Ягун передернулся:

– С Демьяном-то? Что с ним может стрястись? Да я с ним даже за одним столом сидеть не могу – у меня суп киснет.

В этот момент с другой стороны кто-то громко крикнул:

– Буйнус палатис!

Глухо лопнула красная искра. Ее отблеск был виден в щель даже из коридора. Кольца Тани, Ягуна и Ваньки Валялкина сами собой раскалились. Мгновение – и дверь вновь затряслась как бешеная.

– Ого! Вы видели эту искру? Таких при обычной магии не бывает! Там кто-то произнес заклинание из списка ста запрещенных! Смотрите, что с нашими кольцами творится, они просто взбесились! – воскликнул Ванька Валялкин, дуя на свой перстень.

– Ста запрещенных? – поразилась Таня. – Никогда бы не подумала, что Горьянов способен на такое!

– В самом деле? Скажи еще, что представляла себе Демьяна эдаким купидончиком с золотыми крылышками! – усмехнулся Ягун.

С другой стороны двери что-то загрохотало. Пол под ногами у ребят завибрировал, забухал гулкими ударами.

– Аааа! Спасите! Держите меня сорок человек! – пронзительно завизжал кто-то.

Таня, Ягун и Ванька ворвались внутрь и замерли на пороге.

В комнате были Гуня Гломов, Семь-Пень-Дыр и Жора Жикин. Сам хозяин комнаты Горьянов лежал животом на громоздкой деревянной скамье, вцепившись в нее руками. Скамья яростно взбрыкивала и подскакивала едва ли не до потолка, отталкиваясь короткими деревянными ножками. Похоже, она стремилась во что бы то ни стало сбросить с себя Демьяна.

– Караул! Чего вы все ждете?! Она же меня залягает! – вскрикивал Горьянов, то и дело ударяясь о скамейку носом, который и так уже распух, как груша.

Во время одного из подскакиваний Горьянов разжал руки. Скамья взбрыкнула. Демьян жабой шлепнулся на пол. Скамейка навалилась сверху какдохлый гиппопотам. Кажется, ей льстила мысль по совместительству сделаться надгробным памятником. Представив это, Горьянов издал леденящий душу вопль и поспешно уполз под кровать, спасаясь от твердых деревянных ножек взбесившейся мебели.

– Кондовус руализмус! – сказал Семь-Пень-Дыр, произнося отменяющее заклинание.

Скамейка замерла. Пень оглядел ее, ощупал ножки, проверяя, нет ли трещин, и остался доволен.

– Еще одного скинула. Кто следующий? Может, ты, красавчик? – обратился он к Жоре Жикину.

Жикин растерянно запыхтел и как-то совсем неуловимо отодвинулся к дверям.

– Вообще-то я не против. Но у меня сегодня свидание. Крайне важное! Не хочу явиться на него с носом как у вас, – бойко сказал он.

Семь-Пень-Дыр потрогал свой раздувшийся нос. Таня сообразила, что Пень тоже успел поприветствовать им скамейку и теперь ради восстановления справедливости хочет, чтобы носы распухли у всех.

– Ага! Свидание у него! Назови хоть один день, когда у тебя нет свиданий или когда они не важные! Тогда я притащу тебя сюда и посажу на эту скамейку! Мы все договаривались, и нечего отлынивать!

– Отстань! Ты псих! – огрызнулся Жикин.

Семь-Пень-Дыр нехорошо усмехнулся и прицельно плюнул в форточку:

– Не отстану! Говори, когда у тебя нет свиданий, красавчик!

– Ладно! Сейчас! – Жора Жикин серьезно задумался и, достав записную книжку, стал ее пролистывать.

– Так... четверг есть... Пятница, суббота, воскресенье тоже есть, – забормотал он.

Семь-Пень-Дыр подскочил и вырвал у него книжку:

– Да вы полюбуйте на него! У нашего красавчика каждый день по свиданию, а иногда даже по два... И как только успевает! Раздваивающего заклинания не применяешь, нет?.. Ну-ка, ну-ка! Вот смотри, в среду на той неделе у тебя окошко!

– Нет, в среду у меня тоже свидание, – поспешно сказал Жикин. – Самое-самое важное! Настолько важное, что я его специально зашифровал. Видишь значок?

– Где значок? Ага! Скрещенные кости! Попытаюсь угадать, кто это может быть! Гробыня! В среду у тебя свидание с Гробыней!

Жикин обеспокоенно оглянулся на Гуню Гломова.

– Чушь! – выпалил он. – Я не встречаюсь с Гробыней! Это... э-э... Верка Попугаева!

Семь-Пень-Дыр снова попытался плюнуть в форточку, но немного промахнулся.

– Ты нас за дураков не держи! С каких это пор Попугаеву шифруют скрещенными костями? Нарисовал бы птицу или что-нибудь такое с клювом... Или нет, если б ты встречался с Попугаевой, об этом знали бы даже циклопы! Она бы всем растрещала! Не ври, красавчик!.. Признайся, что кости – это Гробыня!

Жикин сделался бледным, как поганка. Гуня Гломов, набычившись, пристально наблюдал за ним.

– Что ты такое говоришь? Гробыня не в моем вкусе! Она страшная! И вообще, у нее волосы фиолетовые... Если я и согласился с ней встретиться, то только для того, чтобы передать ей конспекты лекций Клоппа... – неубедительно забормотал Жора.

– В самом деле? Какая забота! А зачем тогда шифровать? Ах да, чтобы конспекты не забрали наглые конкуренты! Это же так понятно, не правда ли, Гунечка? – умилился Семь-Пень-Дыр.

Тяжкая мыслительная работа, происходившая в мозгу у Гломова, наконец завершилась. Гуня размахнулся. В драках он никогда не применял магии, предпочитая действовать проверенными лопухоидными способами.

С пронзительным криком подстреленной чайки Жора попытался поставить магический блок, но не успел. Кулак Гломова уже прибыл на станцию назначения.

Семь-Пень-Дыр удовлетворенно оглядел жикинский нос.

– Все! Справедливость восстановлена. Даже, по-моему, чуть в большем объеме, чем надо! Ничего, Жикин, не скули! Мужчину шрамы украшали, украшают и будут украшать. Даже если они и не на лбу, – заметил он.

Из-под кровати ползком выбрался Демьян Горьянов. Убедившись, что скамейка больше не брыкается, он отряхнулся от пыли и... только тут увидел Баб-Ягуна. Обнаружив недруга, Горьянов немедленно придал своему кислому лицу самое негодующее из всех имеющихся в наличии выражений.

– Эй, белые, это моя комната! Не помню, чтоб я приглашал кого-то из вас в гости! Стырить что-нибудь захотелось? – крикнул он.

– Утихни, Демьян! Не вали с больной головы на здоровую, – весело сказал Баб-Ягун. – Чем вы тут занимаетесь? Дайте я сам догадаюсь! Открываете общество расквашенных носов? Проводите организационное собрание?

Горьянов закипел. Он зажмурился, выставил вперед голову и как бык ринулся на Ягуна. Ягун быстро шагнул в сторону и подставил ногу.

– Только что вы наблюдали попытку тарана, предпринятую Демьяном Горьяновым, номером вторым. Бедняга совсем забыл, что отдал свой пылесос «Буран-100У» в починку, и осуществлял таран подсобными средствами. Последствия данного неосмотрительного поступка вы можете созерцать на полу! – прокомментировал он.

Взбешенный Горьянов вскочил и снова хотел кинуться на него, но Семь-Пень-Дыр решительно поймал его за шиворот и отодвинул в сторону.

– Беленькие пожаловали! И замечательно! Полюбите нас черненькими, хе-хе, как говаривал один знакомый моего дедушки Вия... Не хотите ли принять участие в нашей милой волшебной забаве? – поинтересовался он.

– Милая забава – это скачки на психованной скамейке? – спросил Ванька Валялкин.

– Это называется БЕШЕНОЕ ЧЕРНОМАГИЧЕСКОЕ РОДЕО! Слышали когда-нибудь о таком? – Семь-Пень-Дыр толкнул скамейку ногой. Она не пошевелилась. Для пробуждения ей требовалось очередное вливание магии.

Ванька и Баб-Ягун обменялись взглядом. Бешеное родео было древним развлечением черных магов Тибидохса. Развлечением запрещенным, но все равно не забытым. Взбесившиеся лавки, оживленные черными заклятиями, часто калечили неудачливых наездников. Чем-то бешеное родео было даже опаснее драконбола.

Драконы редко разрывали игроков, чаще заглатывали их целиком и держали внутри до конца матча. От серьезных травм и ожогов драконболистов спасали тормозящие заклинания и упыря желчь. В бешеном же родео никаких страховок не было. Буйные духи, вселившиеся в мебель, заставляли ее скакать по комнате и, сбросив наездников, безжалостно топтать их. Выигравшим считался тот, кому удалось продержаться дольше. Или хотя бы тот, кому удалось не угодить в магпункт.

Семь-Пень-Дыр, прищурившись, испытующе уставился на Ваньку и Ягуна:

– Ну как, Ягун, рискнешь? Или ты, Валялкин! Не желаешь развлечься? Забирайся на скамейку, а я произнесу «Буйнус палатис»!

– Так не пойдет! – решительно сказал Ванька.

– Почему это?

– «Буйнус палатис» – запрещенное заклинание. Даже ваш профессор Клопп его не использует.

– Да что ты говоришь! Тоже мне умняшка нашелся! Тебя часом Шурасик не покусал? Или нет, неужели... – Пень ехидно прищурился. – Да он просто боится! Только посмотрите на этого беленького волшебничка! Трясется от ужаса!

– Утихни, Пень! Он не боится! – вступилась за Ваньку Таня. – Никто не боится. Но если Древнир внес заклинание в список, значит, у него были для этого основания.

– Все знают, что Древнир был перестраховщик. Он все оживляющие заклинания поместил в этот список. Небось даже не разбирался с каждым в отдельности. Что может быть опасного в «Буйнус палатис»? Ну попрыгает скамейка – и успокоится, – презрительно пожал плечами Жора Жикин.

Нос у него уже был расквашен, так что теперь ему ничего не мешало принять сторону Семь-Пень-Дыра.

– Умница, красавчик! Я тобой горжусь! Если бы Древнир действительно хотел, чтоб эти заклинания не использовались, он ни за что не составил бы этот список! – заявил Пень.

Таня невольно подумала, что тут он прав. Списки ста запрещенных заклинаний, зашифрованные особым ученическим шифром, не позволявшим им исчезнуть, уже давно переходили от одного ученика Тибидохса к другому. И все тайком, чуть ли не под одеялом, учили их наизусть, хотя это было строжайше запрещено. Древнир, несмотря на всю свою гениальность, был скверный психолог. Если бы он действительно хотел, чтобы запрещенных заклинаний не знали, он включил бы их в школьную программу и сделал строго обязательными.

– Я так и думал, что беленькие струсят! Беленькие – они на то и беленькие... Им бы только ходить с Тарарахом под ручку и заглядывать в рот Сарданапалу, что он скажет умного, – а, Ванька? Так я говорю или не так? – ехидно поинтересовался Семь-Пень-Дыр.

Ванька побледнел. Он молча толкнул его в грудь и направился к скамейке.

– А ты не боишься, что она расквасит твой хорошенький носик? Ах да, тебя же никто не ждет на свидание – тогда это другое дело. Кто с тобой вообще на свидание пойдет? Хотел бы я видеть девчонку, которой нужно такое чучело в майке! Гарпии и те принимают тебя за огородное пугало! – продолжал глумиться Пень.

Ванька молча сел на скамейку и перекинул через нее ногу. И без того острые черты его худого лица заострились еще больше.

– Начинай, клоппенок! Я готов! – сказал он.

– Не делай этого! Они тебя специально подзуживают! – крикнула Таня, бросаясь к Ваньке.

Она так решительно посмотрела на Гуню Гломова, что придвинувшийся было к Валялкину здоровяк вспомнил о своем языке, когда-то обожженном искрой, и попятился.

Тем временем Ягун уже стоял напротив Жоры Жикина.

– Влезешь – подправлю нос за другую сторону! – предупредил он.

– Да иди ты! Очень страшно! – хмыкнул Жора, но вмешиваться почему-то не стал.

– Слезай! Не глупи! – Таня все еще пыталась стащить Ваньку со скамейки, но уже понимала, что это бесполезно.

Временами спокойный Ванька становился упрямее осла. И это был именно такой случай. Подзадоривая Таниного друга, Семь-Пень-Дыр явно достиг успеха.

– Отойди! Пень, давай свое заклинание! Не хочу свое кольцо на него тратить! – не глядя на Таню, сказал Валялкин.

– Не хочешь – и не надо! А мы не такие жадины! Буйнус палатис! – отскакивая в сторону, хором крикнули Жора Жикин и Семь-Пень-Дыр.

Сдвоенные красные искры ослепили Таню. Перстень Феофила Гроттера раскалился и обжег ей палец.

– Сколько можно применять запрещенные заклинания? У меня будет тепловой удар! – прокрипел он голосом Феофила Гроттера.

Скамейка ожила. Красная искра придала ей невероятную прыть. Если раньше она скакала как бык на родео, то теперь ее словно укусил бешеный пес. Она ухитрялась быть сразу везде, изгибаясь и взбрыкивая то передними, то задними ножками.

Ванька держался точно клещ. В отличие от черных магов, он не плюхался на скамейку животом, а сидел верхом, как сидят наездники.левой рукой он вцепился в деревяшку, а правой балансировал, удерживая равновесие.

Скамейка прыгала по всей комнате как ненормальная. С грохотом падала мебель. Спасаясь от деревянных ножек, Горьянов, Семь-Пень-Дыр и Жора Жикин эвакуировались под кровать и лишь изредка решались высунуть из-под нее нос. Даже Таня с Ягуном вынуждены были отступить к двери, готовые выскользнуть в коридор, если скамейка их атакует.

– Что там? Не упал еще? – то и дело с надеждой спрашивал Пень.

– Не-а, держится! – сиплым басом отвечал Гуня Гломов.

Неизвестно каким образом он оказался на шкафу и оттуда, точно с капитанского мостика, озирает комнату.

– Эге-ге! Разбегайся, мокроносые! Вот оно, ваше бешеное родео! – прокричал Ванька, галопом проносясь по комнате.

– Мамочка моя бабуся! Какая блестящая техника! Уважаемые зрители! Приготовьте ваши влажные ладошки к бурным рукоплесканиям!!! Прирожденный наездник Иван Валялкин без седла удерживается на гарцующей скамейке, принаравливаясь ко всем ее выкрутасам! Скамейка выкидывает все новые фортели, но все бесполезно! Валялкин держится на ней как приклеенный, к посрамлению всего черного отделения Тибидохса и лично профессора Клоппа –

главы этих бестолковых пройдох! – затарахтел Ягун. Видно было, что он соскучился без комментаторства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Каждый сам кузнец своей судьбы (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-tron-drevnira

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)